

январь 2020

журнал
Никиты Михалкова

Своя

ФОТО: СЕРГЕЙ ВЕНЯВСКИЙ/РИА НОВОСТИ

**В ЧЕЛОВЕКЕ
ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ
ПО ЧЕХОВУ**

**Рассудку вопреки,
наперекор стихиям**

Бесстрашный воин и дипломат
Александр Грибоедов

Иваново царство

Как великий князь
стал всея Руси
самодержцем

**Гармония
от Исаковского**

Его песни вели в бой,
согревали в окопах

Елка сто лет назад

ПРОХОДЯЩАЯ в музее-заповеднике «Коломенское» выставка посвящена дореволюционному празднованию Рождества и Нового года, предновогодним базарам и елочным украшениям конца XIX — начала XX века. Эти

игрушки, уверяют организаторы экспозиции, таят в себе особую магию, причудливы и разнообразны: желатиновые, из бархата, мишурные, картонажные, стеклянные...

Выставка включает в себя два больших раздела.

Первый — «Подарки» — демонстрирует особенности традиционных рождественских базаров, где продавались не только елки, но и праздничные подарки, а также елочные украшения. Раздел состоит из нескольких блоков: кондитерского, парфюмерного, детских игрушек, подарков.

Второй — «Праздник» — рассказывает о старинной елке, которую с нетерпением ждали наши предки, о том, как отмечали Новый год и Рождество. Раздел включает в себя коллекцию дореволюционных ново-

годних и рождественских открыток, отражающую целый пласт национальной культуры.

Адрес: ст. м. «Каширская» (последний вагон из центра), проспект Андропова, д.39, стр.69.

Режим работы выставки «Елка сто лет назад.

Старинные елочные украшения:
вторник — воскресенье с 10.00 до 18.00.

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

январь 2020

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Помнить, чтобы жить	26–29	Культурная эволюция
Кольца Сатурна
Софья Ковалевская:
мировая слава и частная жизнь
3–7	Служу России
Рассудку вопреки, наперекор стихиям	30–36	Родное слово
Гармония от Исаковского
8–11	Третий Рим
Иваново царство	37–41	Званный гость
В этих срубах есть сердце и вены
Беседуем с архитектором-реставратором
Андреем Бодэ
12–15	Возвращение имени
Не ты, но судьба виновата была
Горе-злосчастье Евдокии Лопухиной	42–47	Стоп-кадр
В человеке все должно быть по Чехову
Экранизации произведений классика
в России и за рубежом
16–20	Великие реалисты
Колоссы на берегах Невы
Художники Тереховы
во славу Питера, на благо Отечества	48	Трапезная
Гусь — птица праздничная
21–25	Плоды просвещения
Альма-матерь и ее альма-дети
265 лет назад был основан
МГУ им. Ломоносова		

Шеф-редакторы: Алексей Зверев, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-76896 от 24 сентября 2019 г.

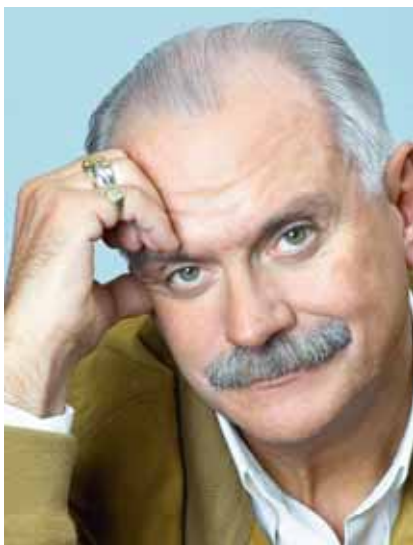
Адрес редакции: 123290, Москва, Шелепихинская наб., д. 8А, эт. 2, пом. 29

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 9141/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 16 декабря 2019 г.

Помнить, чтобы жить

2020-й объявлен у нас Годом памяти и славы. Президент принял такое решение в связи с предстоящим празднованием 75-летия Великой Победы, и у абсолютного большинства граждан России оно не может вызвать ни малейших возражений. Мы станем свидетелями грандиозных общенациональных торжеств, зрителями приуроченных к юбилею кинопремьер, театральных постановок, концертов, читателями вновь написанных книг, множества газетных и журнальных статей о самой кровопролитной в истории человечества войне... Все это, конечно же, необходимо, но — недостаточно.

В новом году нам надо хотя бы попытаться навести элементарный порядок в трактовках событий Второй мировой — захлопнуть тем самым пресловутое окно Овертона для тех, кто стремится ее итоги кардинально «пересмотреть».

Я искренне надеюсь, что количество откровенно глумливых выступлений на тему священной для нашего народа войны значительно поубавится: сотрудники «Ельцин-центра» поостерегутся (во всяком случае, в ближайшее время) призывать к тому, чтобы предателей-власовцев признали в России политическими, подлежащими реабилитации диссидентами; примелькавшийся завсегдатай ток-шоу, бравирующий своими «альтернативными» взглядами публицист-режиссер прекратит с пеной у рта доказывать, что гитлеровцы тоже герои и к ним, дескать, следует относиться примерно так же, как к защищавшим свое Отечество советским солдатам и офицерам; редакции «свободных и независимых» СМИ наконец-то перестанут устраивать публичные чтения и конференции, где ораторы уравнивают нацистов и коммунистов, Гитлера и Сталина, Советский Союз и Третий рейх, пытаясь тем самым обвинить нашу страну в развязывании планетарной бойни.

Рожденные в СССР люди, наблюдая за всем этим, не только испытывают в большинстве своем чувство справедливого негодования, но и спрашивают себя: «На что и на кого рассчитаны подобные провокации?» В одной из телепрограмм «Бесогон» (она получила название «Разрушь память и бери без боя») ответ на этот вопрос прозвучал, как мне кажется, довольно внятно.

Там, в частности, приводилось высказывание президента Европейского информационного центра по правам человека Гарри Мурея, который на скандально известную «покаянную» речь в бундестаге юноши Коли из Нового Уренгоя отреагировал так: «Полагаю, что на Западе данное выступление воспринимается как сигнал, что в России сформировано новое поколение, которое готово исторические факты отложить в сторону, готово забыть и простить. С таким поколением можно иметь дело, ведь, как известно, если народ не знает свою историю, то у него нет будущего».

В приведенных словах удивительно не то, что их произнес западноевропейский общественный деятель, а то, что к таким азбучным истинам нам приходится апеллировать снова и снова.

Читателям «Своего» я хочу пожелать, чтобы в 2020 году у них были самые веские основания смотреть в будущее с оптимизмом!

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author or publisher.

Рассудку вопреки, наперекор стихиям

В истории литературы он остался автором одной — зато какой! — комедии, хотя, кроме «Горя от ума», его перу принадлежат несколько стихотворений и водевилей, а также отрывки из неоконченных произведений. Лишь небольшие фрагменты дошли до нас от трагедии Александра Грибоедова «Грузинская ночь» — слушатели, современники автора, находили ее еще более талантливой, чем «Горе...». Но превыше всего — пример поразительного благородства и редкой отваги, явленный нам в судьбе этого чрезвычайно одаренного, не умевшего лишь прислуживаться человека.

Н. ЧЕРНЕЦОВ. «ВИД ТИФЛИСА». 1830

Д. КАРДОВСКИЙ.
«А.С. ГРИБОЕДОВ
В ГУСАРСКОМ
МУНДИРЕ». 1912

Сергей Алдонин

Корневая система

Его далекий предок прибыл в Москву из Польши в Смутное время — как говорится, «на ловлю счастья и чинов». Принял православие и присягнул русскому трону. По линии матери одним из пращуров Грибоедова был видный политический деятель эпохи царя Алексея Михайловича, правовед и историограф, знаменитый дьяк Федор Иоакимович. Тот являлся составителем главного свода законов России — «Соборного уложения», написал «Историю о царях и великих князьях», в которой высоким слогом обосновал права династии Романовых на московский престол. Александр Сергеевич гордился родством с этим талантливым политиком, историком и писателем.

Получивший воспитание в той самой среде, которую позже высмеял в бессмертной комедии, свою любовь к Москве автор «Горя от ума» не утратил ни в Тифлисе, ни в Тебризе, собиравшись прославить Белокаменную в трагедии о 1812 году. Жаль, что великий замысел так и остался нереализованным.

Ранняя одаренность Грибоедова удивительна даже по меркам Золотого века русской литературы. Еще подростком он овладел едва ли не всеми европейскими

языками, к коим в зрелости добавил восточные. Изучал историю, филологию, право, слыл виртуозным музыкантом. Ощущая некоторое интеллектуальное превосходство над ровесниками, иногда заносился, и его считали гордецом. Однако с особой придирчивостью Александр Грибоедов относился прежде всего к самому себе.

Совсем еще юный гусар, он мечтал сразиться в 1812-м с французами, но полк, где служил будущий литератор, остался в резерве. В молодые годы отдал дань разгулам, светским развлечениям, которые нередко заканчивались драматически. На его бретерском счету — несколько дуэлей и вереница романтических историй. Грибоедов вышучивал все на свете, кроме русских святых, становился собранным и строгим, когда речь шла о чести Отечества, когда на нее посягали «французики из Бордо».

Дипломат империи

После первой длительной командировки (направлялся в Персию через Кавказ) былой вертопрах остепенился, полюбил одиночество, молитву, стал все больше задумываться о долге. «Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов!» — писал

о нем верный друг на долгие годы Вильгельм Кюхельбекер.

На Кавказе Александр Сергеевич стал не просто адъютантом, но младшим товарищем и соратником прославленного генерала Ермолова, а в одном из писем составил такую характеристику полководца: «Что за славный человек: мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи... Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывочное, несвязное наполеоновское риторство, его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить, однако позволяет говорить и другим».

Пришло время, и Алексей Ермолов спас друга — после декабрьского восстания 1825-го. В заговоре Грибоедов не участвовал, к революционным планам относился скептически («Сто прапорщиков хотят изменить государственный быт России!»), но у него хватало приятелей среди активистов тайных обществ. На допросах его фамилия прозвучала несколько раз, и он-таки оказался под стражей. Ермолов вовремя уничтожил бумаги, которые могли скомпрометировать арестованного. К счастью, через несколько месяцев Александра Сергеевича отпустили и даже присвоили ему очередной чин — надворного советника. Он снова отправился на Восток — налаживать дипломатические связи.

Сюжет на все времена

В Персии и Тифлисе был сочинен первый вариант комедии, названной поначалу «Горе уму». Конечно, автор сочувствовал Чацкому, одаренному и честолюбивому молодому человеку, не желающему подчиняться предрассудкам, гнету больших денег и законам слепого чинопочитания. Он требовал от своих персонажей благородства — и от Фамусова, в котором вывел родного дядю, известного светского льва, адепта старинных нравов, и от Молчалина, предавшего идеалы своего свободолюбивого поколения, выбравшего, по сути, лакейскую стезю.

Пушкин высоко оценил поэтическое мастерство Грибоедова, предсказал, что десятки реплик из его творения станут пословицами, однако к главному герою пьесы отнесся критически: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благород-

И. Паскевич

А. Ермолов

ный и добрый мальчик, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.».

При жизни Александра Сергеевича-второго пьеса не попала на большую сцену. Власти побаивались острого конфликта между «старым» и «новым», «Чацким» и «Фамусовым». В речах вольнодумного героя видели чуть ли не призыв к политическому перевороту. Зато сочинение стремительно распространялось в «списках» — его переписывали вручную. По империи ходило более сорока тысяч таких экземпляров! А значит, вся читающая Россия знала автора. Его остроты звучали повсюду.

Театр Грибоедова — это натянутая струна интриги, насмешка и боль, наконец, щедрая россыпь крылатых выражений, обогативших нашу речь, подаривших ей новые смысловые и

стилистические оттенки. «Счастливые часов не наблюдают», «Злые языки страшнее пистолета», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Ум с сердцем не в ладу», «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь» — эти фразы мы повторяем, вслух и про себя, очень часто. Они помогают привести в порядок мысли, рассмотреть внезапные нюансы житейских ситуаций и чувств. Нерв грибоедовской драмы — в обостренном восприятии понятия личной чести. Чацкий находит унижением человеческого достоинства жизнь по лекалам света с его предрассудками, зависимостью от мнения «княгини Марьи Алексевны». Лицемерить, хитрить для него — тоже бесчестие.

«Горе от ума» — комедия грустная, в ней можно прочесть и разочарование, и надежду. За 180 лет сценической истории «миллиона терзаний» Россия повидала немало талантливых версий бессмертного сюжета. Грибоедовской палитры хватило на десятки актерских и режиссерских художественных открытий. Вспомним лишь несколько знаковых постановок.

В конце 1920-х в главной роли гарцевал на сцене театра Мейерхольда Эраст Гарин. Это был Грибоедов навыворот — гротескный, эксцентричный, изломан-

«Заключение мира в Туркманчае 10 февраля 1828 года».
Литография

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ный, как эпоха НЭПа. Самый яркий и убедительный послевоенный Чацкий (сильная личность, деятельный борец за свои идеалы, непонятый, но несломленный) — Михаил Царев из Малого театра. Ироничный, язвительный, но настроенный романтически герой 1960-х предстает в первую очередь в исполнении Сергея Юрского в спектакле ленинградского БДТ, тот спектакль был с оттенком фрондерства. Олег Меньшиков — самый известный Чацкий начала XXI века: усталый, углубленный в себя, разочарованный, однако сохранивший внутреннюю свободу. Сегодня на первый план вышли, пожалуй, интерпретации образа Фамусова, которого все чаще представляют не валяжным лицемером, а скорее осторожным консерватором — как у Юрия Соломина в последней постановке Малого. И все эти свойства, тона и оттенки действительно есть у Грибоедова. Можно не сомневаться в том, что завтрашний Чацкий будет иным, поскольку все загадки мудрой комедии еще не раскрыты, все пласты до конца не разведаны.

Туркманчайская победа

В Персидском походе он служил советником при главнокомандующем Иване Паскевиче. Там довелось испытать себя: видел кровь, слышал канонаду, не прощал себе минутной слабости, даже малейшего страха, не кланялся пулям. Не случайно дорожке всех наград для него была скромная серебряная медаль «За Персидскую войну», которую вручали участникам боевых действий: от генералов до новобранцев.

В его ведении оказались, само собой, все дипломатические хлопоты. Александр Сергеевич помогал военачальнику в переговорах с местным населением, вел переписку генерала. Появление армянского и грузинского ополчения, помогавшего русским, тоже во многом было заслугой Грибоедова. Поход стал освободи-

тельным для армян, наши войска избавляли древний христианский народ от персидского гнета.

Но выиграть войну мало, необходимо закрепить ратные успехи на мирных переговорах. Паскевич доверил своему советнику главную роль и в составлении договора, и во время прений с персидскими дипломатами. Отстоять победу удалось, Россия сделалась хозяйкой на Каспийском море, получила Восточную Армению, несколько крепостей, а также огромную контрибуцию. Грибоедов большое внимание уделил судьбам христиан (прежде всего, речь шла опять же об армянах), оставшихся на территории Персии, но стремившихся стать подданными Российской империи. Это был его звездный час. Паскевич отправил Александра Сергеевича в Петербург, чтобы торжественно вручить Туркманчайский договор императору. Николай I осыпал посланника наградами. И в Петербурге, и в Тифлисе его как триумфатора встречали торжественным салютом.

Даже в жандармерии на многообещающего дипломата составили положительную характеристику: «Должно прибавить, что Грибоедов имеет особый дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил, и Грибоедовым связаны многие люди между собою».

Персидская трагедия

Как и подобает воину, он не избегал опасных конфликтов, не уклонялся от дуэлей. Его рассуждения о близкой смерти многие считали рисовкой, при том что в последние месяцы жизни поэта и дипломата затягивало в воронку, вырваться из которой шансов почти не было.

Вернувшийся в Персию в ранге полномочного посла Российской империи, для воинственных персов Гри-

Памятник
А. Грибоедову
в Тегеране

боедов был прежде всего творцом Туркманчайского мира, а значит, злейшим врагом. Тяжелое бремя контрибуции иранская знать взвалила на подвластное население, крестьянам и ремесленникам пришлось платить новые налоги.

В соответствии с договором желавшим переселиться на территорию Эриванского и Нахичеванского ханств армянам предоставлялось русское подданство. В посольство потянулись сотни желающих и среди них — евнух шахского гарема Якуб Маркарян, который много лет был тайным христианином, оставаясь приближенным персидского монарха. Персы сочли это оскорблением: посвященный в тайны тегеранского двора человек оказался предателем, а Грибоедов укрыл его в посольстве, как и двух армян, сбежавших из гарема одного из самых воинственных вельмож — Аллаяр-хана.

В мечетях и на базарах зазвучали яростные, полные ненависти к России и ее посланнику речи. По мнению моджахедов, русские вели себя вызывающе, попирали многовековые восточные традиции. Все эти обстоятельства-факторы охотно использовали в геополитической борьбе против нашей страны англичане. Они не только всячески поддерживали мстительные намерения Аллаяр-хана, но и участвовали, судя по некоторым сведениям, в подготовке нападения на русскую миссию.

30 января (11 февраля) 1829 года остановить погромщиков не мог никто. Толпа заперудила все подходы к посольству. Десятки тысяч (не меньше!) разъяренных фанатиков требовали крови неверных и быстро перешли от угроз к жестокой резне.

Сколько раз Грибоедов рисковал жизнью на дуэлях и в военных походах! Он неплохо стрелял, прекрасно владел холодным оружием, но на сей раз этих умений было явно недостаточно. Сражался до последнего, понимая, что обречен, самоотверженно защищал русский форпост, посольство своей державы. Разгоряченные штурмом исламисты взяли его кабинет после того, как проломили крышу. Миссию защищали 35 казаков,

и все они погибли в том неравном сражении рядом с послом.

Из сотрудников посольства спасся лишь один человек — бежавший с поля боя Мальцев. Грибоедов не отступил ни на шаг, для него и в роковые минуты не было ничего дороже чести. Тело Александра Сергеевича опознали по старому дуэльному ранению...

«Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить, он мне сказал: «Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей». Он полагал, что причиной кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвою невежества и вероломства», — свидетельствовал Пушкин, для которого память о собрате и полном тезке стала священной.

Законы большой политики далеки от рыцарских, ни Петербург, ни Тегеран не были заинтересованы в новой войне. Николай I не отказал в аудиенции персидскому принцу Хосрев-Мирзе, прибывшему на берега Невы с извинениями за разгром посольства и убийство Грибоедова. Персы привезли примирительные, весьма щедрые дары, включавшие легендарный алмаз «Шах». Гостям удалось убедить императора в том, что резню в Тегеране устроили враги их правителя, вожди оппозиции. Принц встретился и с матерью убитого посла, со слезами, на коленях просил у нее прощения...

Николай I пообещал «предать вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Простили персам и часть контрибуции, за которую так рьяно боролся великий русский дипломат и поэт. И все же погиб он не зря: на русско-персидской границе надолго воцарился крайне необходимый обеим державам мир. Писать о гибели Александра Сергеевича, да и вообще о тегеранской трагедии, нашим литераторам очень долго не рекомендовалось. Но память о его подвиге хранили. Жива она и поныне.

Э. Фланден.
«Кладбище
Исфахана»

Третий Рим

А. Васнецов. «Московский Кремль при Иване III». 1921

ФОТО: А. СВЕРДЛОВ/РИА НОВОСТИ

Иваново царство

Валерий Шамбаров

Если бы живший в начале правления Ивана III москвич вдруг перенесся на три-четыре десятка лет вперед, то не узнал бы ни свой город, ни родную страну, попал бы в совершенно иной мир, переменившийся всего за одно поколение. Огромная, могучая держава раскинулась от Финского залива до Урала и Оби, хотя до того наши земли кончались уже за Коломной, Можайском, Клином, а дальше лежало чужое. Прежде над Русью довлела атмосфера постоянного страха, перманентной опасности: с запада нависала грозная Литва, с юга — Орда, с востока — Казань. Даже отца первого русского государя, великого князя Василия Васильевича захватывали в плен татары, и где — в сердце его владений, под Суздалем! Свои же князья резались между собой в свирепых усобицах. Василия II раз за разом свергали его дядя Юрий Звенигородский, двоюродные братья Василий Косой и Дмитрий Шемяка...

ТЯЖЕЛЫЕ впечатления детства остались с Иваном Васильевичем на всю жизнь. С грустью и содроганием вспоминал он, как ехали с отцом и малолетним братом на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, как невесть откуда налетели свирепые всадники, а усердные слуги заботливо прятали перепуганных мальчишек, куда-то везли, кому-то передавали с рук на руки. А в итоге все равно очутились княжичи под стражей — вместе с ослепленным родителем (ставшим с тех пор Василием Темным), молились, зная, что вот-вот могут убить... Это был первый горький опыт для будущего правителя — страшный пример того, как на Руси быть не должно.

Отметим важный факт: к власти Иван III пришел одновременно с рождением самостоятельной (автокефальной) Русской церкви! Являвшаяся центром мирового православия Византия скатилась в унию, но одолевший врагов Василий Темный сумел созвать в декабре 1448-го Освященный Собор, на котором избрали митрополита всея Руси, святителя Иону. Там же государь провозгласил 8-летнего Ивана великим князем, ближайшим помощником, по сути, глазами ослепленного отца. Получилось, что первым своим шагом независимая Церковь благословила основоположника русского самодержавия. Могут ли такие совпадения быть случайными?

О Третьем Риме тогда, разумеется, никто не мог и мечтать. Василий Темный поставил мальчика соправителем вынужденно. Продолжалась гражданская война с Шемякой. Калека-отец болел и считал необходимым подготовить себе преемника. С той же целью наследника в двенадцать лет обвенчали с десятилетней тверской княжной Марией: женатый человек считался на Руси уже взрослым. Ему и действовать пришлось не по-детски: на свадьбу приехал из похода против Шемяки, а сразу после венчания возглавил армию на Оке — воины ждали Орду. Конечно же, были у него помощники из воевод, однако Иван III быстро всему учился, чувствовал себя все более уверенно, проверяя готовность полков к сражению, заседал на советах с отцом и боярами, принимая иноземных послов, разбираясь с проблемами Новгорода, Вятки, Рязани. В 1462 году Василий Темный преставился, и никакие церемонии восшествия на престол наследнику не потребовались: было два великих князя — остался один.

В свои 22 года он был уже опытным политиком и военным. Особое внимание обратил на ратное дело. Раньше основу войск составляли разношерстные и далекие от дисциплины «дворы» (дружины) удельных князей и бояр. Иван Васильевич взялся формировать поместную конницу из детей боярских, профессиональных бойцов, давал им вместо платы деревню-другую, сам закупал для них лучшее оружие и коней, выделял ратников не по роду, но по способностям. Такой армии еще не было ни в одной европейской стране, и подчинялась она непосредственно государю. Опираясь на нее, великий князь продолжил линию отца по собиранию русских земель. Василий Темный присоединял владения противников и заговорщиков, Иван III взял курс на объединение Руси.

Преодоление феодальной раздробленности в странах Западной Европы сопровождалось свирепыми войнами, у нас без междоусобиц тоже не обошлось, но постепенно стали преобладать иные процессы. Ярославские и ростовские князья «измельчали», разорились, подрабатывали при государевом дворе. Теперь их окончательно перевели в служилое сословие, а для сельских тружеников это стало великим благом. Раньше обнищавшие хозяева выжили из них все, что могли, сейчас крестьяне стали государевыми, платили фиксированные подати в казну. Рязань измучили набегами татары, Псков — ливонские рыцари. Под защитой великокняжеских войск они обрели относительную безопасность, начали мирно прирастать к Москве.

Среди важнейших факторов оказалась не только воинская сила. Еще в годы правления Ивана Калиты митрополит Московский Петр учил, что высшая добродетель для властителя — правда. Наставником Ивана III был другой праведный архипастырь, Иов. Святителя Петра государь тоже глубоко чтит, в честь обретения и перенесения его мощей установил праздник. Урок правды он усвоил в полной мере, самолично вел суд, разбирал тяжбы, и молва о его справедливости разошлась далеко за пределы Руси.

Сын турецкого султана Ахмет тогда писал: «Того великого князя Иваново доброе имя слышим, Правосудом его зовут». Когда боярская верхушка Новгорода решила переметнуться под власть Литвы, решающий перелом в разыгравшемся противостоянии внесли не успехи на поле брани, а именно правда и справедливость. Иван Василье-

Портрет из «Царского титулярника»

ТРЕТИЙ РИМ

вич настоял на своем праве судить в Новгороде, и сразу же на его стороне оказался весь простой народ: шел к нему в дни приездов великого князя, устраивал массовое паломничество в Москву. Привыкшие к бесконтрольному хищничеству местные бояре творили «много зла в земле той, межю себе убийства и грабежи, и домов разорение от них напрасно, кой с которого сможаше». В лице Ивана III новгородская беднота получила защитника от произвола, мудрого правителя, объединявшего территории, связывавшего их общими органами управления. Великий князь провел полную кодификацию права, создал единый свод законов растущей державы — «Судебник».

Вятскую республику пришлось покорять силой: она превратилась в гнездо разбойников, нападала на русские земли, заключала союзы с казанскими ханами. Но можно ли считать присоединение Твери сугубо насильственным? Это княжество захирело, бояре и воины уходили отсюда служить в Москву, срывались с насиженных мест и крепостяне: во владениях Ивана III жилось гораздо лучше. Только тверской князь Михаил взвинчивал себя обидами, воспоминаниями о былом величии, в озлоблении заключил союз с Литвой. Поначалу Иван Васильевич лишь предупредил его, демонстрируя военную мощь, и удовлетворился покаянием. Но тот взялся за старое, добавив к своим прегрешениям клятвopепреступление. Когда во второй раз пришло московское войско, тверичи не захотели сражаться за такого князя, ему оставалось лишь спастись бегством, а его подданные охотно перешли под власть Ивана III. Попутно с собиранием земель вставал вопрос о том, как называться отныне большому государству? Прежде писали: «великое княжество Владимирское и Московское». Когда же оно вобрало

ФОТО: В. РОБИНОВИЧА НОВОСТИ

Фрагмент пелены, вклад Ивана III и Софьи Палеолог, 1499

в себя Тверь и Новгород, в документах той эпохи стало появляться новое имя — Руссия или Россия.

После смерти первой супруги Ивана Васильевича невесту для него нашли за границей — племянницу последнего императора погибшей Византии Софью (Зоя) Палеолог. На русских печатях и монетах появился двуглавый орел. Держава Ивана III показала себя достойной преемницей римского величия: стала крепко бить казанских ханов, заставила освободить всех захваченных соседями за сорок лет пленных.

В 1480 году нарождавшуюся державу планировала раздавить коалиция могущественных врагов. Великий князь литовский Казимир заключил союзы с Ливонским орденом и ханом Большой Орды Ахматом (последний собирал наследство Золотой Орды, подчинил Хорезм, татар Сибири). Вдобавок взбунтовались

взорные братья государя Андрей и Борис, снеслись с Литвой. В столь опасном положении Русь не находилась уже сотню лет.

В историю были некогда внедрены версии двух враждебных по отношению к Ивану III летописей: будто бы он струсил, бежал с фронта. К этим «свидетельствам» добавилось послание епископа Вассиана Рыло, вообразившего себя вторым Сергием Радонежским, убеждавшего государя выйти, подобно Дмитрию Донскому, на смертный бой. Эти байки развенчал видный военный историк Александр Нечволодов, убедительно показавший, что каждый шаг русского правителя был четко выверен, просчитан.

Иван Васильевич внес еще одно новшество в ратное дело. Осознав, что главнокомандующему вовсе не обязательно самому скакать во главе полков, он и в прошлых войнах располагал свою ставку в тылу, откуда удобнее руководить войсками. А в советах Вассиана не нуждался вовсе. Намеревался победить врагов без ре-

шающей битвы, без большой крови. Мятежных братьев смирил мудрым словом, против Казимира использовал крымского хана: тот вторгся в Подолию, в результате чего литовское войско к Ахмату не прибыло.

Орду сдерживали на Угре, не давали переправиться, преднамеренно тянули время предложениями о переговорах, ждали, пока татары не будут измотаны, не станут мерзнуть и голодать по осени. Тем временем по Волге в глубоком тылу неприятеля плыл десант Василия Звенигородского и служилого царевича Нур-Девлета, чтобы погромить столицу Ахмата Сарай. Результат известен: полная и блестящая победа при минимальных потерях.

Москва становилась полноправной преемницей Константинополя и в качестве центра мирового православия. В Предуралье некоторые племена были крещены еще в XIV веке св. Стефаном Пермским, им изрядно доставалось от соседей-язычников. Россия вступилась за единоверцев, а обидчикам пришлось покориться Ивану III. Гонения на православие — при поддержке римского папы Александра VI Борджиа — развернулись в Литве, и снова раздался голос московского правителя, крайне недовольного тем, что «строят латинские божницы в русских городах, отнимают жен у мужей, а детей у родителей и силою крестят в закон латинский». «Могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие?» — су-

Стояние на Угре. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в.

рово вопрошал великий князь. В двух войнах его ратники так всыпали противнику, что вынудили прекратить религиозные притеснения, при этом отобрали треть литовских владений, а граница нашей державы пролегла в 50 км от Киева.

Воеводы Ивана Васильевича уже совершали походы и за Урал, приводили здешние народы под государеву руку. На реке Нарове был построен первый русский порт с выходом на Балтику — Ивангород. Снова пришлось воевать — со Швецией и Ливонским орденом. В результате Россия добилась права свободно торговать за морем.

Иван III был человеком широких взглядов, чрезвычайно любознательным, не чурался заимствования у иностранцев полезного, зазывал к себе лучших специалистов, и их на Руси становилось все больше: греков, немцев, итальянцев. Иноземцы ехали к нам за большими заработками, так проходила — в нашу пользу — «утечка мозгов». Завозились новейшие изобретения, технологии, отливались лучшие в мире пушки, возводились великолепные здания. По планам Ивана Васильевича преобразовалась его столица.

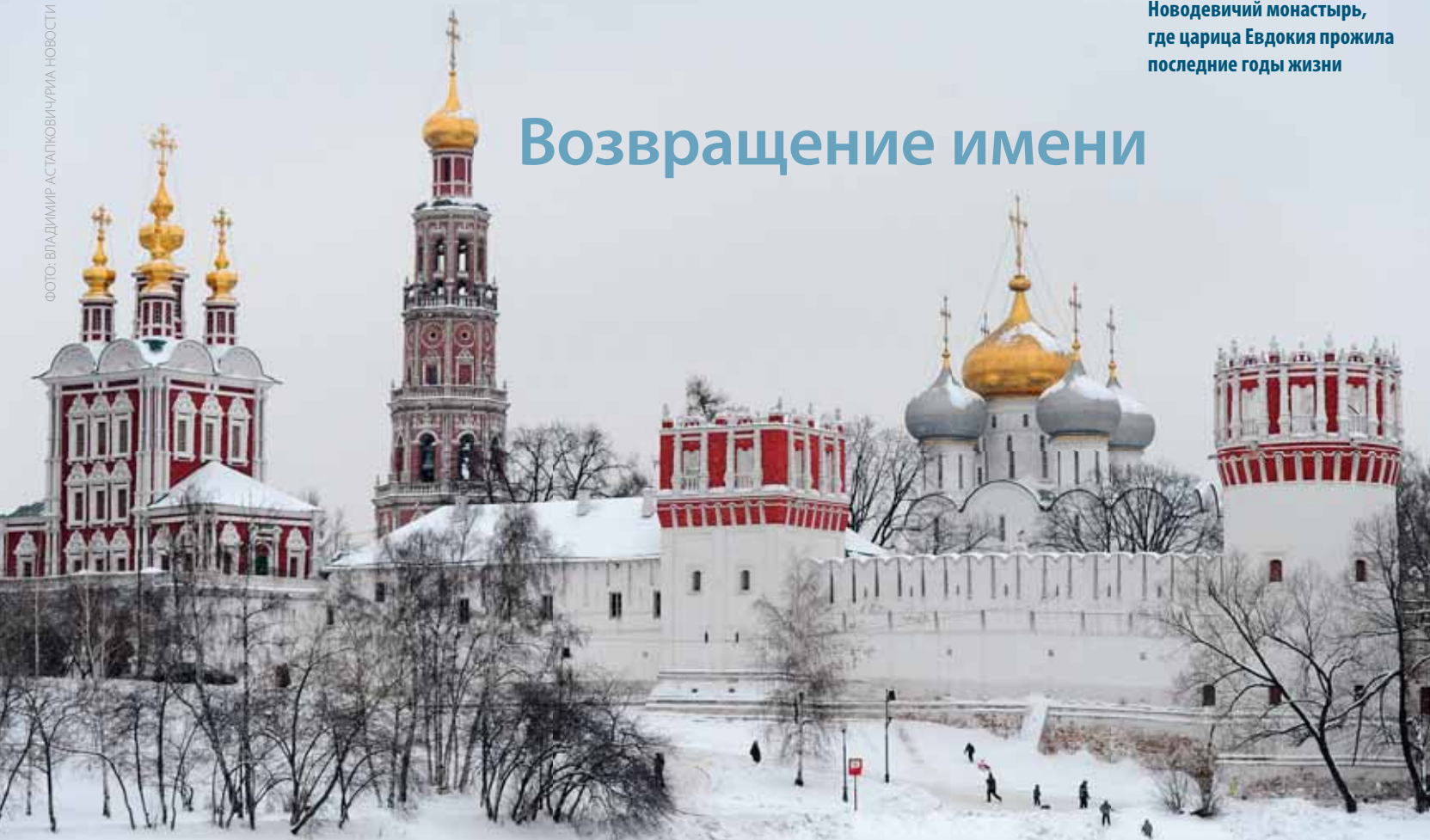
На месте обветшалых храмов рос комплекс дивных соборов, вместо стареньких, построенных при Дмитрии Донском стен сооружались неприступные твердыни нового Кремля.

Не все было гладко. Принявшего титул государя всея Руси великого князя никто не надеялся свергнуть, однако интриги приняла скрытые формы. С запада в нашу страну проникла «ересь жидовствующих». Тайные сектанты появились среди духовенства, высокопоставленных вельмож. При странных обстоятельствах умер наследник престола Иван Молодой. Группировавшиеся вокруг снохи государя Елены Волошанки еретики стали продвигать на трон ее ребенка Дмитрия, ради этого в 1497 году ложно обвинили в заговоре супругу Ивана III Софью, сына Василия, обрекли их на опалу, а приближенных к ним — на казнь.

Правосуд, хоть и не сразу, разобрался в ситуации: через год осудил и покарал клеветников, вновь приблизил жену и Василия. Сперва он видел в случившемся следствие обычной борьбы придворных группировок, но со временем стала всплывать правда о сектантах, а в православной вере государь оставался твердым. На Соборах 1503-го и 1504-го ересь была осуждена, главных апологетов предали смерти, прочих отправили в заключение.

Будучи очень обстоятельным человеком, Иван Васильевич успел завершить все свои земные дела. Женил наследника Василия, достроил Архангельский собор в Кремле, ставший усыпальницей государя. После его кончины продолжались работы по строительству еще одного храма — св. Иоанна Лествичника, с самой высокой в нашей стране колокольней. Ей народ дал имя Ивана Великого — в честь человека, сумевшего собрать вокруг небольшого Московского княжества иные фрагменты доселе мозаичной Руси, слить их воедино, превращая в обширную и непобедимую Россию.

Возвращение имени

Не ты, но судьба виновата была

Валерий Хмельницкий

Имя этой царицы в народной памяти почти стерлось. Евдокию Лопухину сегодня помнят лишь знатоки истории, насельники связанных с судьбой опальной государыни монастырей да сотрудники музеев, хранящих артефакты сложной, весьма противоречивой петровской эпохи. В 2019 году со дня рождения первой жены царя-реформатора исполнилось 350 лет, однако эту дату отметили немногие.

Посвященную юбилею конференцию провел в Москве Институт Наследия, в интернете и прессе появилось несколько общеознакомительных статей, вышла (больше года назад) биографическая книга с характерным названием «Невольная путешественница» — вот, пожалуй, и все знаки внимания, указывающие на то, что на Руси была когда-то такая царица. Вряд ли это справедливо — и по отношению к ней самой, и в контексте всей российской истории, в которой победы не только рифмуются, но и прямо соотносятся порой со словом «беды».

ПРАСКОВЬЯ Лопухина родилась в селе Серебряно Мещовского уезда близ Калуги, в тихой отцовской вотчине, среди великолепной русской природы. Модными, хлынувшими в конце XVII века из-за границы новшествами девочку не портили, воспитывали в духе традиционных семейных ценностей. Она могла стать прекрасной супругой, матерью, хозяйкой. Но в ее судьбу вмешалась политика.

После смерти царя Федора Алексеевича остались два брата — недееспособный Иван и малолетний Петр. Используя бунт стрельцов, регентство захватила их сестра Софья, воспитанница тайного унията Симеона Полоцкого. Со своим фаворитом канцлером Василием Голицыным она начала западнические, по образцу Польши, реформы. Патриотическая партия во главе с патриархом Иоакимом группировалась тогда вокруг Петра Алексеевича. Противостояние накалялось. Иезуит, французский шпион Фуа де ла Невилль, ведший с Голицыным тайный диалог, описал планы Софьи и канцлера примерно так: Петра намеревались ликвидировать, Ивана — спровести в монастырь, патриархом поставить духовника Софьи Алексеевны Сильвестра Медведева, а затем навязать стране унию. В переговорах, в которых выражалась готовность возвратить Украину полякам (за помощь в утверждении у власти), участвовал и Мазепа.

Для реализации замысла требовалось подождать, когда у Ивана родится наследник и Софья сможет править от лица младенца.

Партия Петра решила ускорить его брак: женатый юноша считался совершеннолетним. Невесту выбирала мать будущего императора, Наталья Кирилловна. Остановилась на кандидатуре Прасковьи: род Лопухиных был многочисленным и популярным среди стрельцов. Жениху было лишь 16, а суженой шел уже двадцатый год. Очевидно, мать

Царица Евдокия Федоровна

ФОТО: А. СВЕДЛОВ/РИА НОВОСТИ

рассчитывала на то, что взрослая жена, во-первых, быстро родит ребенка, а во-вторых, в какой-то мере обуздает юного супруга, поглощенного военными и морскими потехами да кутежами с иностранцами.

Наталье Кирилловне отчего-то не приглянулось имя и отчество невесты — Прасковья Илларионовна, вследствие чего и ей, и ее отцу пришлось себя переименовать. В итоге невеста стала Евдокией Федоровной.

Мнением Петра мать не интересовалась, но тот и не возражал против такого брака, понимал: это необходимо из политических соображений. Свадьбу сыграли по старинным русским обычаям. Отношения между молодыми сперва были безоблачными. Близости способствовала и общая для обоих опасность: они оказались не только супругами, но и сородичами —

чего стоила одна лишь страшная ночь на 8 августа 1689 года! Их разбудили известием о том, что Софья подняла стрельцов, в Преображенское скажут убийцы. Петр Алексеевич умчался на лошади в одной рубашке, а слуги собирали жену, уже несправдую, чтобы та укрылась в Троице-Сергиевой обители.

Попытка переворота провалилась, Софья очутилась в келье Новодевичьего монастыря, Евдокия же подарила мужу сына Алексея, а затем забеременела снова — династия, казалось, утверждалась прочно.

Вскоре умер руководивший правительством и умевший сдерживать буйные порывы Петра патриарх Иоаким. Править державой взялась была мать молодого царя Наталья. Она отводила Евдокии роль незначительную. Петр между тем никаким наставлениям не вни-

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

мал, злился, в силу возраста и свойств характера к примерному отцовству и нормальной семейной жизни был решительно не готов. Жена к тому же постоянно была в положении. Иностранные «друзья» быстро подсунули смазливую Анну Монс, и государь начал пропадать в Немецкой слободе. Рождение второго сына Александра стало последней общей радостью царственной четы. Увы, младенец не прожил и года. Наталья Кирилловна винила невестку в том, что та никак не влияет на супруга.

Однако у Евдокии проявился характер: она не желала идти на поводу у свекрови. Отец государыни попал в боярский «ближний круг», приблизились ко двору и другие Лопухины — отстаивать интересы рода царица считала своим долгом.

Нарышкины — родня Натальи Кирилловны — увидели в Лопухиных опасных соперников. Обиженная на «неблагодарную» царица-мать теперь уже взялась настраивать сына против нее. Обстановка в семье стала несносной.

В 1694 году Наталья скончалась, и Петр отбросил всяческие приличия, перестал отвечать на письма супруги, колесил по стране, воевал, брал Азов. Жена оставалась в Москве и все внимание уделяла ребенку. Через какое-то время к ней потянулись недовольные реформами и любимцами монарха бояре, в стане оппозиционеров оказались и Лопухины. Отчуждение перерастало во вражду.

В 1697-м, когда царь собирался за границу, вскрылся заговор Алексея Соковнина, Ивана Цыклера и Федора Пушкина, замышлявших его убийство. Подозрение в соучастии пало и на Лопухиных. Доказать их вину не смогли, однако отца и двух дядей царицы сослали на воеводство в дальние города, а возвращавшийся из Лондона Петр Алексеевич отправил поручение уговорить Евдокию постричься в монахини. Обвинение он сформулировал уже потом, задним числом: «За некоторые ее противности и подозрения». Спрашивается, какие? Заговорщики хотели вернуть к власти Софью, но даже она теперь могла легитимно править лишь от лица наследника Алексея, а Евдокию ее регентство никак не устраивало. Все претензии к государыне повисали в воздухе, и тут постарались иноземные наперсники царя, внушавшие «весомые» причины и поводы избавиться от жены. Евдокия Федоровна от пострижения отказалась, сослалась на то, что нужна семилетнему наследнику.

Возвращение Петра домой подхлестнуло восстание связанных с Софьей стрельцов. После казни бунтовщиков постригли в монахини ее и двух других дочерей Алексея Михайловича — Марфу и Феодосию, обеспечивавших связь сестры с внешним миром. Для жены Петр потребовал той же участи, на ее возражения и заступничество патриарха ответил отказом. Евдокию отвезли под конвоем в Суздаль и постригли в Покров-

ском монастыре насильно. Даже сколько-нибудь приемлемого содержания не назначили. Родственникам она жаловалась: «Здесь ведь нет ничего, все гнилое... Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте нищую».

Через полгода ее положение существенно изменилось. В Суздале царицу жалели, понимали, что заточение незаконно. Один из братьев, Абрам, избежал репрессий — ездил учиться за границу. В Москве по возвращении приобрел огромный вес. Писали о нем, что бояре даже царя «так не слушают, как Абрама Лопухина, в него веруют и боятся его». Оно и понятно: бурная жизнь монарха на войне и в разъездах могла оборваться в любой день. На престол взошел бы Алексей, а за ним вставали дядя и мать. При покровительстве брата она сбросила монашеское платье, стала ходить в мирском. Ей оборудовали приличествующие высокому положению покои, появились штат поваров, служанок, лошади для выезда. Даже любимого шута прислали. На праздники московские чиновники и дворяне несли подарки, прикладывались к руке.

Доводы Евдокии насчет того, что она нужна ребенку, оправдались в полной мере. Мальчика хоть и вырвали из уютного материнского мирка, однако и отцу было явно не до него. Алексей попал к незнакомым людям, наставникам-иноземцам, совершенно чуждым, вы-

зывавшим отторжение. Мать не забыл, навещал. Перенесенная душевная травма наследника надломилась, вызвала у него моральную слабость, неуверенность в своих силах, склонность к болезненным метаниям, породила неприязнь к окружению отца и его делам.

Но даже эта семейная трагедия стала предметом интриг.

Разыгрывать карту жены и сына Петра I взялись весьма разнородные силы. Вокруг Абрама Лопухина группировалась старобоярская, мечтавшая вернуть Россию к дореформенному состоянию оппозиция. Царевич же говорил о том, что его втянули в компанию «с попами и чернецами», приучили «к ним часто ездить и подпивать». А к Евдокии в 1709 году стал захаживать настоятель Спасо-Евфимиева монастыря Досифей. Изображавший из себя провидца, он радовал «пророчествами»: скоро она снова станет царицей. Тогда же ее духовник Федор Пустынный свел отверженную мужем с майором Степаном Глебовым — тот проводил в Суздале рекрутский набор. По некоторым данным, офицер был родственником Досифея (в миру Диомида Глебова). Евдокия поначалу боялась этой близости, отказывалась от встреч, но ее уговорили, а дальше, что называется, прорвалось женское естество, истосковавшееся по мужской ласке. Возникает вопрос: что же это за священники, если занимались напропалую сводничеством и вдобавок развращали Алексея?

В начале XVIII столетия по России распространилась хлыстовская ересь. Видный исследователь сект Павел Мельников (Печерский) указывал, что с хлыстами якшался и вышеупомянутый Досифей. А духовником Алексея был давний друг этого «пастыря» Яков Игнатьев. Абрам Лопухин тоже привечал «пророков», вселявших в него радужные надежды. Сектанты отвергали браки, поощряли «духовную любовь».

Евдокия о такой подоплеке, разумеется, не знала. Брошенная мужем, она встретила любовь, которой была лишена все прежние годы, познала немудреное женское счастье. И особенно показательно то, что местный народ уважал, искренне почитал царицу. За двадцать лет ее «мирского» пребывания в монастыре и девять лет романа с Глебовым никто о ее поведении властям не донес.

Если бы ставку на Алексея Петровича сделала лишь старая знать! Усиление России — триумф под Полтавой, прорыв на Балтику — встревожило западные державы. Поддержать Швецию вызвалась коалиция Австрии и Англии, а отношения царевича с отцом испортились абсолютно. Вторая жена государя, Екатерина, родила сына. Меншиков и другие вельможи заранее продвигали того в наследники, засыпали царя доносами: Алексей вращается среди оппозиции. Петр гневался, грозил ему пострижением в монахи, что для врагов России оказалось очень кстати. Царевичу устроили побег за границу.

Агенты отца его выследили, хитростями и посулами завлекли на родину. Когда началось расследование, решили проведать и его мать. В феврале 1718-го в Суздаль поехал капитан-поручик Григорий Скорняков-Писарев, получивший приказ обыскать жилище Евдокии Федоровны, изъять там письма и действовать в зависимости от их содержания. Тут-то и открылось, что в храмах ее величали «благочестивейшей великой государыней нашей, царицей», вышла на свет и связь с Глебовым, обнаружилось особое взаимоотношения с братом. Всех арестовали.

Евдокия чистосердечно каялась, просила прощения у бывшего мужа. Никаких улик относительно того, что она причастна к побегу сына, не нашли. Но и те обстоятельства, которые выявились в Суздале, царя разъярили, он воспринял их как политическое преступление. Осужденных по делу Алексея Петровича, а также Досифея, игуменью монастыря, нескольких монахинь казнили скопом. Глебова после страшных пыток посадили на кол. Евдокию Федоровну по приговору церковного Собора били кнутом и отправили в Ладожский Успенский монастырь, уже в действительно строгое заключение. Новые жестокие удары судьбы она получила во след — известия о смерти сына, главной отрады жизни, о казни брата...

Разрушение царской семьи стало причиной бедствий. Сын от второй супруги вскоре умер, Петр I остался без наследника. В 1725 году он скончался, и началась эпоха переворотов. Екатерина I сразу же вспомнила о Евдокии, перевела ее из монастыря в тюрьму, под особый надзор, как государственную преступницу: ведь узница имела больше прав на престол, чем она. Через два года оборвалась жизнь императрицы. Воцарился сын царевича Алексея Петр II. Евдокия Федоровна воспрянула духом, хотела увидеться с внуком, но ее недруг Меншиков еще был в силе и не допустил этого свидания. Хотя условия содержания для нее смягчил, из Шлиссельбурга заключенную отвезли в московский Вознесенский монастырь, все еще под караулом.

В сентябре 1727-го она сумела переслать письмо Петру II, который наконец освободил бабушку. Ее поселили в особых палатах Новодевичьего монастыря, выделили ей на содержание огромную сумму, 60 тыс. руб. в год. Был издан указ о восстановлении чести и достоинства Евдокии Федоровны, хотя при внуке она уже никакой роли не играла.

В 1730-м Петр II умер. В числе претендентов на трон Верховный тайный совет рассматривал Евдокию, которая была уже в преклонных летах и отказалась. Новая императрица Анна Иоанновна отнеслась к ней уважительно, все льготы ей сохранила. Однако пользовалась ими царица-монахиня недолго, в конце лета 1731 года засобиравшись в мир иной. Последними ее словами были: «Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного».

Великие реалисты

ФОТО: PHOTOPRESS

Колоссы на берегах Невы

Ксения Воротынцева

Атланты, держащие на плечах архитрав портика Нового Эрмитажа, — один из семи узнаваемых символов Петербурга, наряду с Исаакиевским собором, Смольным монастырем и скульптурами Аничкова моста. Однако если имена Монферрана, Растрелли и Клодта хорошо известны, то изваявшего гранитных исполинов Александра Теребенева помнят — за пределами северной столицы — немногие.

Между тем родившийся 205 лет назад, принадлежавший к уважаемой художественной династии скульптор создал замечательные бюсты Пушкина и Нестора Кукольника, участвовал в восстановлении Зимнего дворца после пожара, выполнял заказы для аристократии.

М. СКОТТИ. «ПОРТРЕТ А.И. ТЕРЕБЕНЕВА», 1835

ОСНОВАТЕЛЕМ творческой династии, последним представителем которой суждено было стать Александру Ивановичу, считается его дед, воспитанник Императорской академии художеств, мастер орнаментальной скульптуры по дереву Иван Ефимович. Младший сын Тербенева-старшего Владимир преуспел в искусстве литографии. Средний, Михаил, тоже учился в Академии, где в наставниках у него был портретист Степан Щукин, в свою очередь обучавшийся у Дмитрия Левицкого. За дипломную работу «Русская крестьянская свадьба» Михаил Иванович получил Большую золотую медаль, а саму картину приобрела императрица Мария Федоровна — неслыханная удача для молодого мастера. Большую часть его творческого наследия составляют миниатюрные портреты. Подобные, носившие, как правило, личный характер, вещи впоследствии довольно редко попадали в музеи. Известно, что по заказу героя Отечественной войны 1812 года, командира партизанского отряда Ивана Дорохова художник изобразил единственного на тот момент награжденного солдатским Георгием крестьянина — Егора Стулова. Создал портреты и других знаменитых современников: композитора Михаила Глинки, актера-трагика Василия Каратыгина. За миниатюрное изображение скульптора Василия Демут-Малиновского получил звание академика.

Не менее успешным оказался творческий путь старшего брата, Ивана Ивановича, прожившего все-

го лишь 34 года, но оставившего яркий след в отечественном искусстве. В пятилетнем возрасте его определили в Академию художеств. Поначалу мальчик обучался в живописном классе. Затем — в скульптурном, где его наставником был известный ваятель, автор статуи «Самсон, раздирающий пасть льву» (похищена во время Великой Отечественной и воссоздана Василием Симоновым) Михаил Козловский. Под руководством последнего, еще в годы учебы, Иван Тербенева участвовал в создании бронзовых барельефов, украсивших пьедестал памятника Петру I авторства Растрелли. Барельеф «Полтавская баталия» стал первым успешным творением Ивана Ивановича в монументальном жанре.

В 1800 году он, выпускник Академии, получил Малую золотую медаль и аттестат первой степени. Через пять лет уехал в Тверь, преподавал рисунок, но не вынес однообразия провинциальной жизни, жаловался: «Так скучно, что я ни в чем не нахожу ни пользы, ни удовольствия». В 1807-м вернулся в Петербург, стал получать заказы. Один из самых масштабных проектов датируется 1812 годом: вместе с Василием Демут-Малиновским, Степаном Пименовым и Феодосием Щедриным Иван Тербенева участвовал в оформлении Адмиралтейства (архитектор Андреян Захаров). Авторству Ивана Ивановича принадлежат знаменитые барельефы на фасаде здания. Центральный, украшающий аттик главного входа — «Заведение флота в России», где изображен Петр I в доспехах римского воина. Рядом — вручающий трезубец государю Нептун. Тем самым мастер обозначил пре-

М. ТЕРЕБЕНЕВ. АВТОПОРТРЕТ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

тензии Российской империи на морское владычество. Для этого здания он создал еще ряд многофигурных композиций, среди которых «Афина, награждающая за воинские и морские подвиги» и «Венчание художников». Кроме того, выполнил рельефы «Летающие Славы» над арками Адмиралтейства.

Впрочем, наибольшую известность ему принесли «Теребеновские листы», гравированные карикатуры, посвященные войне 1812 года. В лаконичных, отсылавших к народным лубкам рисунках их исполнитель высмеял французов. В его работах чувствуется академическая выучка, видны строгое соблюдение анатомических пропорций, следование законам перспективы, при том, что изображения намеренно упрощались — для восприятия широкими массами. Нередко использовались метафоры бытового языка. Так, исследовательница Елена Вишленкова в монографии «Визуальное народоведение империи» отмечает: в рисунках «Угощение Наполеона в России» и «Наполеон в бане» Теребенов воплотил метафорический концепт «устроить баню» — то есть наказать. Император, которого хлещут вениками, олицетворяет понесшего заслуженную кару врага.

Именно Наполеон стал одним из главных героев «комиксов» Ивана Теребенева. Возможно, как полагает Вишленкова, это было своего рода компенсацией: до войны существовал запрет на создание карикатур на официальных лиц и политиков. Возможно и другое объяснение: конкретные сюжеты художнику заказывали издатели журнала «Сын Отечества», а знавшие грамоту читатели тут же могли ознакомиться с короткими заметками. Рисунки в таком случае воспринимались как иллюстрации. К примеру, одна из карикатур («Французский вороний суп») сопровождалась комментарием:

И. Теребенов. Гений Славы, трубящий победу (арка Адмиралтейства)

И. Теребенов. Лубок «Нос, привезенный Наполеоном с собою из России в Париж»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту — стрелять ворон... Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: «Попал как кур во щи», а лучше говорить: «Попал как ворона во французский суп».

Карикатуру «Пастух и волк» сопровождала следующая подпись: «Радуйтесь, пастухи добрые, уже вы больше не потерпите недочета в ваших овечках. Зверь обнаружен. Он был страшен только, пока не умели за него взяться. А я попросту, как в старине бывало, приновился и схватил, и как хочу, так теперь его и ворочу».

Как отмечает Вишленкова, «на сатирических листах русский народ говорит... со своим врагом —

совокупным европейцем». В целом утверждалось «представление о том, что у русских есть своя оригинальная культура и свое совместное прошлое, которое, как показала победа над войсками Наполеона, более весомо и жизнеспособно, чем «европейский» опыт. Не войска Наполеона, а сами претензии Запада на лидерство и гегемонию были дискредитированы в данном столкновении. Поэтому война предстала пред взором зрителя как доказательство глубинной правоты всего строя жизни русского народа».

Не забывал скульптор и об основной работе. Создал гипсовые фигуры для деревянной триумфальной арки Кваренги — ее возвели на Нарвской дороге для

Фигуры ангелов, изображающие Старый и Новый заветы в Большой церкви Зимнего дворца

чувствования возвращавшейся из Франции гвардии. К сожалению, скульптурные произведения Ивана Теребенева не сохранились, они запечатлены лишь на нескольких рисунках.

Сын Ивана Ивановича Александр также избрал художественную стезю. На его долю выпало немало испытаний. Через неделю после появления мальчика на свет – в январе 1815-го – умер отец. Семья осталась без средств к существованию. В девятилетнем возрасте Саша поступил в Академию художеств. Сперва изучал рисунок, потом выбрал скульптуру. Наставником оказался коллега отца Василий Демут-Малиновский. Уже ранние работы юного ваятеля носили на себе «отпечаток замечательного само-

бытного таланта, не стесняющегося научной рутинной».

Академический курс он окончил в 1836 году с Малой золотой медалью. Александра Теребенева оставили при Академии пенсионером, однако поехать в Италию ему не удалось. Скульптор женился на дочери профессора Академии, художника Алексея Егорова Евдокии и вынужден был много работать, чтобы прокормить семью.

В 1837-м довелось участвовать в восстановлении

Зимнего дворца после пожара. В частности, для парадной лестницы создал две статуи, изображающие Правосудие и Мудрость, а также гигантский барельеф — битву амазонок с центavraми. Последовали другие заказы от высокопоставленных лиц. Например, по просьбе графини Анны Орловой-Чесменской художник изготовил горельеф для Юрьевского монастыря.

Судьбоносным стало предложение Строительной комиссии по возведению Императорского музея (Эрмитажа) — выполнить 10 гранитных атлантов, которых планировали установить на входе со стороны Миллионной улицы. Двухэтажное здание построил германский архитектор Лео фон Кленце, который прежде успешно возводил музейные здания в Мюнхене. Император Николай I пригласил этого иностранца в Россию, чтобы построить здание для художественного музея. Идея создать портик с атлантами принадлежала немецкому зодчему. Теребнев предоставил эскизы и модели в натуральную величину. В качестве основного материала использовался особый гранит — серый камень, который

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

добывали у берегов Онежского озера, недалеко от города Сердоболь (теперь Сортавала). Рядом с музеем оборудовали мастерскую, куда доставляли глыбы. Масштаб бурной деятельности впечатлял. Художник писал: «Я занят колоссальными моделями ваятельных работ и в первый раз вводимом в России производством оных из сердобольского гранита». Мастеру помогали полторы сотни каменотесов, каждому «было назначено свое дело, к чему кто приучен был: кто отделывал низы, кто руки, кто торс, кто ноги». Лица атлантов художник заканчивал собственноручно, не доверяя такую работу помощникам. Архитектор Кленце остался доволен произведениями русского ваятеля: «Красота и благородный стиль этих скульптур, чистота и тонкость работы и блеск полировки не оставляют желать ничего лучшего и позволяют заявить, что если египетские фараоны восполняли свои монолитные колоссы, то эти теломоны для крайнего севера ничуть не хуже».

За атлантов Александр Тербенев получил звание академика, орден Святой Анны III степени. Государь Николай I подарил ему бриллиантовый перстень.

Мастеру не суждено было узнать о тех испытаниях, которые выпали на долю его творений. Еще в начале XX века на скульптурах заметили трещины.

Причиной оказался болотистый грунт, выяснилось, что здание Нового Эрмитажа постепенно проседает. Во время Великой Отечественной в портик попал немецкий снаряд. Атланты выдержали, лишь один из великанов получил серьезные «ранения». К сожалению, исследования в конце XX столетия показали: скульптуры находятся в аварийном состоянии, необходимо предпринимать меры.

Последние годы жизни Александра Тербенева связаны с Эрмитажем, где он служил с 1850-го в качестве помощника начальника 2-го отделения по скульптурной части. Продолжал исполнять заказы, сделал бюсты Николая I и императрицы Александры Федоровны, изготовил памятник герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому в виде саркофага. Несмотря на щедрые гонорары, финансовое положение оставалось нестабильным. Скульптор жил на широкую ногу и спускал все деньги на званые обеды, балы, окружал себя роскошью. Постепенно предложений становилось все меньше. Тербенев разорился. Умер маэстро в 1859 году, в одиночестве и нищете. За гробом человека, изваявшего гранитных колоссов, у которых теперь фотографируются туристы, шли только два человека — помощник мастера, мраморщик Гавриил Балужкин и художник Константин Ухтомский.

Гермы из сердобольского гранита Розового павильона в Петергофе

Альма-матерь и ее альма-дети

К. Юон. «Вузовцы». 1929

Юбилеи главного отечественного вуза отмечают каждый раз на всех континентах: выпускники Московского университета живут и трудятся во множестве стран. Не такой древний, как Оксфорд или Сорбонна, МГУ тем не менее смог стать мировым «брендом» — вот уже несколько веков он играет огромную роль в судьбе России, олицетворяет ее державно-просветительскую мощь, поддерживает высокую репутацию государства в области наук, в сфере образовательного и культурного развития.

Андрей Самохин

В Москве получилось

«Альма-матерь, альма-матерь, гений чистой красоты, я во всяком альма-брате узнаю твои черты», — так в конце 1970-х воспели свой Универ выпускники географического факультета Алексей Иващенко и Георгий Васильев (бард-дуэт «Иваси»). Действительно, МГУ и спустя 265 лет после создания продолжает сохранять свой особый, накрепко связывающий с великим основателем дух.

Императорский московский университет (ИМУ) был образован после неудачной попытки, предпринятой в Северной столице. В 1724 году Петр I хотел учредить при Петербургской академии наук высшее учебное заведение и гимназию, но из этого тогда ничего не вышло. Через три десятка лет Михайло Ломоносов предложил осуществить схожий план в Первопрестольной, а свои рекомендации сформулировал в письме к просвещенному царедворцу Ивану Шувалову. Ознакомившись с проектом, государыня Елизавета Петровна подписала 12 января 1755-го, в День св. мученицы Татианы, указ об основании Московского

университета с тремя факультетами: философским, медицинским и юридическим. Торжественная церемония открытия занятий состоялась в день годовщины коронации императрицы — 26 апреля того же года.

В посвященном ей стихотворении Ломоносов в духе своей эпохи возглашал:

*Богиня, дщерь божеств, науки основавших
И приращенье их тебе в наследство давших,
Ты шествуешь по их божественным стопам,
Распростираючи щедроты светлость нам.*

Того, кто организовал жизнь университета и управлял им как своей любимой вотчиной, ученый и поэт называл в стихах «любезный мой Шувалов».

Парадокс архитектуры

В наши дни мало кто помнит, что первое здание ИМУ — МГУ располагалось не на Воробьевых горах и даже не на Моховой, а на углу Никольской улицы и Красной площади, в доме у Воскресенских ворот, в роскошном особнячке с башней, который строился для Бурмистерской палаты (ратуши), в царствование

Старое здание Московского университета. 1790-е

Петра здесь же расположилась Главная аптека города — этакое НИИ со своими лабораториями и научными сотрудниками. (Поблизости располагалась Славяно-греко-латинская академия — ее в числе многих образованных людей того периода окончил и Ломоносов.)

В два десятка «полат» ухитрились вместить весь университетский функционал: химлабораторию, «физическую камеру», анатомический театр, кабинет минералогии, библиотеку, большую и малую аудитории. Над Воскресенскими воротами работала типография, там же продавались отпечатанные книги.

Университету очень скоро стало тесно в этих старых, на глазах ветшавших стенах, и в том же 1755-м для нужд учебного заведения приобрели бывшую усадьбу князя Петра Репнина на углу Моховой и Никитской.

До конца XVIII столетия университетский городок все возрастал, вбирая в себя новые приобретения в виде близлежащих барских домов, а также владения двух храмов — Дионисия Ареопагита и Леонтия Ростовского. Наконец, Матвей Казаков в 1793 году включил все эти постройки в свой великолепный университетский комплекс. После пожара 1812 года Доменико Жилярди его воссоздал.

В 1833-м ИМУ прирос Аудиторным корпусом на Моховой, перестроенным архитектором Евграфом Тюринным из усадьбы Пашковых (ныне здесь журнал МГУ).

Примечательно, что большое перемещение на горы, в то время еще загородные, впервые было задумано в XVIII веке. В 1775 году Конференция профессоров подала в Сенат записку «О недостатках и нуждах Московского университета». Ученые полагали, что имеет смысл — по примеру Кембриджа или Гейдельберга — «построить дом вне города Москвы, однако поблизости одного, например, на Воробьевых горах».

Как известно, сей проект реализовался уже после войны, по воле «отца народов». Многократно возросшая потребность страны в специалистах привела к тому, что в 1948–1953 годах на Ленинских горах воздвигли самую большую из сталинских высоток. Главное здание («ГэЗэ» на эмгэушном сленге) стало на десятилетия новым домом для нескольких поко-

И. Шувалов

М. Ломоносов

лений «физиков». «Лирики» остались частично на Моховой (проспектом Маркса студенты ее, как правило, не называли), другие перебрались в просторные, но безликие здания первого и второго гуманитарных корпусов нового университетского комплекса — рядом с проспектом Вернадского. Такое разделение позже не раз подвергалось серьезной критике. Например, проректор МГУ, инженер-геолог Евгений Сергеев в 1970-е писал: «Мы допустили ошибку и невольно создали два университета, потеряв при этом преимущество, свойственное университетам вообще, и в частности Московскому университету, — тесную взаимосвязь между разными науками».

Зато студенты-гуманитарии, периодически приезжавшие на Ленинские горы из «старого Универса», не переставали радоваться своему «приоритету». Хотя у Главного здания в глазах молодежи были свои несомненные достоинства, вокруг него витали мрачные легенды, к примеру, такая: деление ГэЗэ на зоны произошло потому, что его строили ээки, а их потом в этих стенах замуровали...

Студент при шпаге на боку

Парадоксальное сочетание просветительских принципов Запада с патриархальной атмосферой Москвы, ее фрондой по отношению к петровским порядкам дало интересные результаты. Мысль об огромной ценности образования, о высоком, полученном не по праву рождения достоинстве ученого человека внедрялась в университетскую практику. В числе прочего — через ношение особой, предложенной Шуваловым студенческой униформы, темно-зеленого кафтана с малиновым воротником и гербастыми, посеребренными пуговицами. Неотъемлемой частью наряда стала дворянская шпага. «Снабдить благородством неблагородных и тем отворить вход к благополучию дарованиям природным», — так сформулировал данный принцип Ломоносов.

Конечно, сословные различия никуда не делись: выучившийся разночинец аристократом не становился, однако мог рассчитывать на хорошее место на госслужбе с дальнейшей перспективой перехода в дворянское сословие. По принятому уставу в университете могли обучаться даже крестьяне, если им давал вольную помещик, внося за них плату. В XVIII веке

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

именно разночинцы составляли большинство учащихся и даже профессуры ИМУ.

Совещательным органом для рассмотрения учебных дел служила профессорская конференция, а для всевозможных, в том числе хозяйственных, распоряжений учредили канцелярию во главе с директором. Впоследствии эти управляющие органы нередко вели между собой настоящие сражения за главенство.

При университете открылись две гимназии — дворянская и разночинская. Их ученики, в отличие от студентов, занимались по-разному и жили в отдельных пансионах. Казенная столовая тоже делилась на две половины, однако же «внесловными» были стол со сладостями для отличников и хлеб-вода для лодырей.

Демократические вольности европейских университетов (скажем, Лейденского, который служил идеалом Ломоносову) здесь не перенимали. Выбор профессоров, научных сотрудников и самих студентов стал прерогативой барина-покровителя Шувалова. И все же ИМУ получил особую юрисдикцию — неподсудность университетских людей «без ведома и позволения кураторов и директора». За серьезные проступки студентов судили профессора-юристы по назначению Конференции.

В кодекс поведения студиязусов были вписаны «истинное благочестие, неутомимое прилежание к наукам, поведение благородное». Строго возбранялись азартные игры, шумные сходки, пьянство, а также долги и продажа имущества.

Европейские вольности, специфическая университетская фронда мало-помалу проникали в эту новую для России молодежную среду, отразившись во второй половине XIX века в целой серии студенческих бунтов.

Город знаний и забав

Кураторы стремились оградить вицмундирных питомцев Минервы от, как сказали бы в наши дни, «тлетворного влияния улицы». На территорию университетского квартала допускались лишь постоянные, проверенные разносчики пищи и галантерейного товара. При университете трудился многочисленный обслуживающий персонал: кухарки, прачки, сапожники, портные, столяры, официанты. Прикрепленные к ИМУ, жившие в Бутырской слободе типографские наборщики до начала XIX века не могли по своей воле перейти в другую типографию.

Зачастую здесь служили целыми семьями, трудились в «фамильных» прачечных, харчевнях, мастерских. Даже возникла идея завести собственную «деревню для стола» с крепостными, но кураторы не позволили.

При этом университет не мог быть полностью оторван от внешнего мира. На Святой неделе и на Масленицу устанавливались веревочные качели, прочие

Мундир Московского университета.
Рисунок из книги
«Изображение
губернских,
наместнических,
коллежских
и всех штатских
мундиров».
1794

нехитрые приспособления для народных забав. Со временем день Святой Татианы стал шумно отмечать вместе со студентами весь город. Москвичи, включая охотнорядских купцов-бородачей, сперва с боязнью, а потом все смелее приходили подивиться на публичные демонстрации физических опытов, открытые диспуты, торжественные университетские празднества. Горожане покупали книжки типографии ИМУ, заглядывали в его библиотеку, посещали открытые экспозиции научных диковин, с радостью шли в университетский театр.

Типаж тогдашнего московского студента рисуетса обычно так: здоров, бодр, остроумен в суждениях, само собой, патриотичен и нравом зело предобр, а если иногда излишне румян и весел, то исключительно по случаю праздничка. До образа мрачного философа раскольниковского типа или нигилиста-бомбиста в студенческой шинели, которого стоит одновременно жалеть и опасаться, было еще далеко.

Университет навсегда

В истории Московского университета много славных, странных и печальных страниц. Торжество просвещения и научного поиска чередуется с революционным брожением. От бурной издательской деятельности масонов Николая Новикова и Михаила Хераскова в университетской типографии тянутся неочевидные, но вполне вероятные нити к выпускнику ИМУ Александру Герцену, революционным кружкам Петра Заичневского, а далее — к народолюбцам, эсерам, большевикам.

Вольный дух породил целую плеяду великих и просто выдающихся ученых, писателей, поэтов, драматургов, государственных мужей, даже музыкантов и художников, простое перечисление которых заняло бы десятки страниц. Московская профессура стояла у истоков создания ставшей позже университетом Казанской гимназии, Малого театра, Политехнического, Исторического, Зоологического и других московских музеев, а также Академии художеств в Петербурге.

Из той же среды вышли нигилисты-разрушители, самодовольные либеральные профессора с фигой в кармане, изрядно поспособствовавшие краху Российской империи.

Убедительной иллюстрацией этой стороны университетской медали может служить известная картина,

изображающая профессора-астронома, большевика Павла Штернберга, который «по науке» руководил осенью 1917-го артобстрелом Кремля со Швивой горки... Такое тоже следует помнить — чтобы не повторилось.

Как бы то ни было, Московский университет был, есть и надолго останется любимой, славной, всеми уважаемой, а главное, созидательной альма-матер для многих поколений.

В общем, все будет как в песне Иващенко — Васильева: «И любая альма-дочерь, благодарная судьбе, сыновей своих пророчит в альма-внучеры тебе».

ФОТО: СЕРГЕЙ КАРПУХИН/ТАСС

ФОТО: ВЯЧЕСЛАВ ПРОКОФЬЕВ/ТАСС

Культурная эволюция

Валерий Бурт

Слава Софьи Ковалевской как выдающегося ученого затмевает другую ее историческую заслугу. Первая в России женщина-профессор добилась для себя и других представительниц «слабого пола» неотъемлемого права служить науке наравне с мужчинами. Ее девиз: «Говори, что знаешь; делай, что обязан; и пусть будет, что будет!» — равно подходит всем, кто стремится сделать мир лучше, добрее, справедливее. И для этого не нужны ни социальные, ни сексуальные, ни культурные революции.

Короткая, но чрезвычайно насыщенная важными событиями и драматическими приключениями жизнь Ковалевской вместила в эпоху невиданного доселе брожения умов — марксизм, анархизм, дарвинизм, что, конечно же, не могло не затронуть струны ее беспокойной души. При всем этом Софья Васильевна была предана делу всеобщего созидания, а не разрушения.

ИНТЕРЕС к математике появился у нее при странных и даже несколько забавных обстоятельствах. В усадьбе родителей (в поместье Полибино Невельского уезда Витебской губернии) делали ремонт, и на одну из комнат не хватило обоев. Кто-то придумал украсить стену страницами из учебника, а впечатлительная и любознательная девочка стала их изучать. «Я помню, как в детстве проводила целые часы перед этой таинственной стеной, пытаюсь разобрать хоть отдельные фразы и найти тот порядок, в котором листы должны следовать друг за другом», — рассказывала она, уже будучи взрослой.

Софья воспринимала математические знаки как магические, волшебные, они манили ее, ввели в царство грез. Пребывая в одиночестве едва ли не чаще, чем в обществе родных

М. Иванова.
«Софья Ковалевская»

ФОТО: ЛЕОНИД ЗИВЕРТУРИА НОВОСТИ

ФОТО: НАТАЛЬЯ ГАРНЕЛИС/ТАСС

и близких, будущая знаменитость верила: «цыганский глаз прабабки» позволит ей увидеть то, что не дано другим.

Урожденная Корвин-Круковская, она гордилась своей фамилией, особенно первой частью: среди предков был венгерский король Матяш Корвин, слывший не только отважным воином, но и покровителем художников, писателей, ученых. Через много лет на церемонии вручения премии Бордена президент Парижской академии наук, астроном и физик Пьер Жансен это отметил: «Очевидно, госпожа Ковалевская наследовала любовь к наукам и литературе от своего знаменитого предка, и мы поздравляем ее с этим».

Одной лишь наследственности в таких случаях, как правило, недостает — требуется должное образование и воспитание. Дядя по отцовской линии Петр Васильевич (весьма колоритная, следует заметить, личность: драматург, журналист, переводчик, участник создан-

ной для борьбы с революционным террором монархической организации «Священная дружина») рассказал Софье о квадратуре круга, об асимптотах — прямых линиях, к которым кривая постепенно приближается, никогда их не достигая, и о многих других полезных вещах.

Отец, генерал-лейтенант артиллерии, был умным и начитанным, однако дома Василий Васильевич держался молчуном. Мать, Елизавета Федоровна, хоть и читала запоем, знала иностранные языки, но тоже не была особо склонна к общению. Зато дядюшка извергал водопады фраз, рассказывал обо всем, что знал, делился прочитанным. Вот как рассказывала об этом Ковалевская: «А читали ли вы, сестрица, что Поль Бер придумал? — скажет бывало дядя, обращаясь к моей матери. — Искусственных сиамских близнецов понаделал, срастил нервы одного кролика с нервами другого. Вы одного бьете, а другому больно...» И начнет дядя передавать присутствующим содержание только что прочитанной им журнальной статьи, невольно, почти бессознательно украшая и пополняя ее и выводя из нее... смелые заключения».

Настоящий ажиотаж вызвали в их доме две статьи, опубликованные в *Revue des Deux Mondes*: о единстве физических сил (по брошюрам Гельмгольца) и об опытах Клода Бернара по вырезанию частей мозга у голубя, «вероятно, и Гельмгольц, и Клод Бернар очень удивились бы, если бы узнали, какое яблоко раздора закинули они в мирную русскую семью, проживающую где-то в захолустье Витебской губернии».

С благодарностью вспоминала Софья Ковалевская и своего домашнего учителя Иосифа Малевича, приохотившего девочку к систематическим занятиям. Арифметика поначалу ее почти не интересовала, «только ознакомившись несколько с алгеброй, почувствовала настолько сильное влечение к математике, что стала пренебрегать другими предметами».

Не только точная наука ей приглянулась, поэзия тоже пришла по душе. «Самая форма, самый размер стихов доставляли мне необычайное наслаждение; я с жадностью поглощала все отрывки русских поэтов, и чем высокопарнее была поэзия, тем более она мне приходилась по вкусу. Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии; хотя у нас была обширная библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было», — делилась воспоминаниями детства дама-профессор. Стихи она начала сочинять очень рано. А в зрелые годы написала автобиографическую повесть, романы «Нигилистка» и «Сестры Раевские» (книгу о Чернышевском закончить не успела). По отзывам критиков, писателем она была неплохим, да и сама признавалась: «...Всю мою жизнь не могла решить: к чему у меня больше склонности — к математике или к лите-

ратуре? Только что устанет голова над чисто абстрактными спекуляциями, тотчас начинает тянуть к наблюдениям над жизнью, к рассказам, и, наоборот, в другой раз вдруг все в жизни начинает казаться ничтожным и неинтересным, и только одни вечные, непреложные научные законы привлекают к себе».

По семейной легенде, когда мать Софьи была беременна, во сне к ней явился дед, большой ученый, Федор Шуберт, который произнес: «Математик у тебя родится. Мое дело продолжит». Родившая дочь Елизавета Федоровна такому предсказанию не обрадовалась: мало хорошего в том, что женщина станет дни и ночи напролет корпеть над книгами и формулами.

Научная литература и впрямь отнимала уйму времени, однако «синим чулком» девушка не стала. Ее новоиспеченный жених Владимир Ковалевский сообщал своему брату: «Несмотря на свои 18 лет, «воробышек» образован великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой.. работает как муравей с утра до ночи и при всем этом жив, мил и очень хорош собой». Вдобавок восхищался тем, что она оказалась способна «так быстро схватывать и разбирать разные политические и экономические вопросы».

Разумеется, родители желали ей и старшей дочери Анне счастья, но связывали его с традиционным семейным уютом, стремились найти и той и другой подходящую партию. Жаждавшие свободы девицы тем временем сговорились: замуж выйдут фиктивно и вырвутся таким образом из родительского плена.

Избранником Софьи стал, как сказано выше, Владимир Ковалевский, способный ученый (ко всему прочему учитель дочери Александра Герцена). Согласно уговору, их формальная связь не должна была перерасти в нечто большее, однако, увидев «суженую», жених тут же заявил, что готов связать с ней судьбу всерьез и надолго.

«Маленького роста, худенькая, но довольно полная в лице, с коротко обстриженными вьющимися волосами каштанового цвета, с необыкновенно выразительным и подвижным лицом, с глазами, постоянно менявши-

С. Ковалевская. 1871

ми выражение, то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смесь детской наивности с глубокою силою мысли», — это набросанный ее подругой портрет.

Ковалевский влюбился, да и Софья недолго оставалась к нему равнодушной. Произошла чудесная метаморфоза: декоративный брачный союз стал самым что ни на есть настоящим. Чета уехала в Гейдельберг, где молодожен занимался в университете геологией, а его супруга — математикой.

Владимир был человеком разносторонним: подготовил несколько монографий по палеонтологии, перевел книги Дарвина и Гексли, а

кроме того, участвовал в управлении промышленной компанией. И все-таки в истории он остался прежде всего как муж выдающейся женщины. Но он не просто делил с ней кров — подвиг супругу на многие свершения в науке.

В их общей судьбе был знаменательный эпизод: в 1871 году пара приехала в охваченный мятежом Париж, ухаживала за ранеными коммунарами. Там же находились Анна и ее муж, революционер Виктор Жаклар. После падения Парижской коммуны француз попал в тюрьму, однако сестры помогли ему бежать.

Финал жизни Ковалевского оказался слишком трагичным: покончил с собой, отравившись хлороформом, — результат запутанной, связанной с деньгами ситуации, выхода из которой Владимир Онуфриевич не нашел. Говорили и о сильном приступе душевной болезни, сведшем его в могилу.

Молодая вдова сильно переживала, корила себя. До трагедии она не раз видела страшные сны, в которых супруг гибнет, предостерегала, умоляла быть осмотрительнее в делах коммерции. Софья весьма трепетно относилась к приметам и видениям. Причудливый ум рисовал картины, полные тревожных тайн, фантазии уносили далеко за пределы реальности. «Только тогда и счастлива, когда погружена в мои созерцания», — признавалась Ковалевская.

Совершенствоваться в науках ей хотелось у знаменитого Карла Вейерштрасса, но тот встретил ее холодно, поскольку не верил в математические способности

женщин. Дабы избавиться от настойчивой просительницы, предложил решить сложнейшие задачи, вроде тех, которые предлагал в Берлинском университете наиболее способным студентам. Вейерштрасс назначил Софье новую встречу, рассчитывая на то, что больше она у него не появится.

Прибыв в назначенный день и час, гостя с радостной улыбкой сообщила, что задание выполнила. Удивленный профессор тут же обратился к академическому совету с просьбой допустить Ковалевскую к математическим лекциям в университете. Увы, согласия не получил — женщины в то время не имели права становиться ни студентами, ни даже слушательницами. Пришлось ограничиться частными занятиями у Вейерштрасса.

Маститый немец таки вымостил ей путь к признанию, следил за ее шагами на трудном поприще, радовался успехам своей необычной протеже. В 24 года она защитила диссертацию по математике, получила степень доктора философии.

Вскоре вернулась на родину. Рассчитывала, что ей, как уже состоявшемуся ученому, уготована блестящая карьера, однако действительность ожиданий не оправдала: предложили работать преподавателем гимназии. Российское научное сообщество не противилось эмансипации, но к столь революционным ее проявлениям пока еще было не готово.

Вейерштрасс выхлопотал Ковалевской место в Стокгольмском университете, где Софья Васильевна должна была читать математические лекции. Но и тут возникла некоторая загвоздка: в первый год ей следовало преподавать по-немецки, со второго — по-шведски. «Доктор Соня», как ее называли, с легкостью преодолела и это препятствие — не только овладела языком скандинавов, но публиковала на нем свои работы. И только потом ее признали на родине, избрав членом-корреспондентом Российской академии наук.

«Вы спрашиваете, как решала Ковалевская задачи? — писала Елена Рерих. — Конечно, с помощью огненной мощи. В своей автобиографии она говорит, что в детстве решения самых сложных задач иногда вставали в ее мозгу мгновенно, также иногда она видела цифры и формулы как бы начертанными перед нею. Конечно, она много трудилась, как видно это из ее биографии, но также несомненно, что, в ее случае, касание огненного

луча, который будил ее «Чашу» и вызывал забытое, было явлением не редким».

Оборотной стороной громкой славы стало одиночество, которое с каждым днем ощущалось все острее. Невероятный ум, потрясающая талантливость были ее бичом — восхищавшиеся на расстоянии мужчины опасались приблизиться. Она и сама боялась ошибиться: математические формулы покорялись, а вот задачи, преподнесенные жизнью, решить оказалось гораздо сложнее.

«Моя слава лишила меня обыкновенного женского счастья... Почему меня никто не может полюбить? Я могла бы больше дать любимому человеку, чем многие женщины, почему же любят самых незначительных, и только меня никто не любит?» — это ли не крик израненной души.

И все же судьба дала ей еще один шанс — в лице второго Ковалевского, то ли однофамильца, то ли дальнего родственника мужа. Весельчак-балагур Максим Максимович был историком, юристом, читал лекции за границей. Поначалу она прятала свои чувства за шуткой, говоря, что «он занимает слишком много места на диване и в мыслях».

Ковалевский готов был жениться, но Софья отчего-то не решалась, снова тяготили дурные предчувствия. Однажды, гуляя с сердечным другом по старинному кладбищу в Генуе, она произнесла: «Один из нас не переживет этот год».

Довольно скоро по дороге в Швецию Софья Васильевна сильно простудилась, слегла и больше не поднималась. Судьба отвела ей немногим больше сорока лет...

Шведский поэт Фриц Леффлер написал на ее смерть эпитафию:

*Прощай! Со славою твоей
Ты, навсегда расставшись с нами,
Жить будешь в памяти людей
С другими славными умами,
Покуда чудный звездный свет
С небес на землю будет литься
И в сонме блестящих планет
Кольцо Сатурна не затмится...*

При чем здесь шестая планета от Солнца? Софье Корвин-Круковской в юные годы часто снился прадед Федор Иванович Шуберт, и однажды он рекомендовал ей во сне исследовать «кольца Сатурна». Что ж, за свою короткую жизнь она сумела выполнить не менее сложные задания.

Родное слово

М. Исаковский. 1940-е

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

Гармония от Исаковского

Евгений Тростин

Он был страстным книгочеем и неутомимым правдоискателем, строгим критиком в отношении собственных и чужих стихов. Та внимательность к окружающему миру и просвещению, которую проявлял когда-то весьма смысленный, напоминавший толстовского Филипка мальчишка в лаптях, сохранилась в нем до последних дней. А стихи его все так же, как и тридцать, пятьдесят, восемьдесят лет назад, звучат в России повсеместно. И согревают — как родной огонек.

Теплый, ласковый голос

Михаил Исаковский родился на Смоленщине, в деревне Готовке. Его крестьянское детство было далеко не безоблачным. Из тринадцати братьев и сестер выжили только пятеро, остальные умерли слишком рано. И все же поэт вспоминал о своих первых годах с нежностью:

*Есть во Восточном районе деревня такая,
Где оставил я детство свое,
И, куда б я ни шел, мне звучал, не смолкая,
Теплый, ласковый голос ее.*

торы сами обращались к его певучим строфам. «Я писал просто стихи, то есть материал, рассчитанный на то, чтобы его можно было читать. Если же, думал я, будет к тому же написана и музыка, то тем лучше», — рассказывал стихотворец.

Первым замечательную музыкальность его сочинений расслышал руководитель Хора имени Пятницкого Владимир Захаров. Однажды в хрестоматии он наткнулся на стихотворение, в котором актуальность сочеталась со старорусской напевностью:

*Вдоль деревни,
от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Заудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда;
Нам такое не встречалось
и во сне,
Чтобы солнце загоралось
на сосне.*

В итоге хор записал эту песню, а Захаров даже не известил автора о созданной им композиции. Песню на свои стихи Исаковский услышал случайно, в кинозале. Вскоре она стала всенародно известной. С нее-то и началась слава Хора имени Пятницкого — без преувеличения, голоса эпохи, точнее, даже многоголосия, зычного и притягательного. Затем появилась «Комсомольская прощальная» на музыку братьев Покрасс — как предвестие грозных и печальных событий:

*Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На Гражданскую войну.*

Созданные им образы исполнены печали и в то же время светлы, полны жизнеутверждающей силы. Поэт любил гармонию, предпочитал мягкие, теплые тона, потому и стал для читателей-слушателей добродушным собеседником, умеющим морально поддерживать, посочувствовать, пожалеть — вопреки максиме Горького, заявлявшего, что жалость унижает. В суровые военные годы доброе слово ценилось на вес золота.

ФОТО: А. ВОРОТЫНСКИЙ/РИА НОВОСТИ

М. Блантер

Созданные им образы исполнены печали и в то же время светлы, полны жизнеутверждающей силы. Поэт любил гармонию, предпочитал мягкие, теплые тона, потому и стал для читателей-слушателей добродушным собеседником

За Исаковским стояла старинная песенная традиция. Кажется, что его стихи — такие, например, как «Одинокая гармонь» или «На закате ходит парень» — сложились задолго до XX века: так объяснялись в любви и в стародавние времена, и в эпоху ДнепроГЭСа.

Пароль: «Катюша»

В 1938 году в руки композитору Матвею Блантеру попал недописанный стих, начинавшийся строкой: «Расцвели яблони и груши». Позже он вспоминал: «Катюша» без остатка заняла мое воображение. Вслушиваясь в слова Исаковского,

я заметил, что в стихотворении его очень звонкая интонация. И, в частности, вот это: бѣрег, нѣ берѣг! Какая причудливая игра ударений!» Премьера нового шлягера состоялась в Колонном зале Дома союзов осенью 1938-го — в исполнении солистки джаз-оркестра Валентины Батищевой. Ну а в дальнейшем кто только «Катюшу» не пел и какие ее переделки не ходили в народе.

В военные годы начался настоящий бум: в простодушной песенке запечатлелись драгоценные воспоминания о мирной жизни, для многих бойцов всего важнее была вера в то, что «любовь Катюша сбережет». Михаил Исаковский гордился тем, что в честь его героини называли оружие славных побед, боевую машину реактивной артиллерии. В Италии, Болгарии, во Франции «Катюша» стала партизанским паролем. «Песенку девичью» знали повсюду, о ней ходили легенды. Одну такую узнал от бойцов автор крылатого текста: «Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, «Катюшу». Немцы покрутили ее раз, потом поставили второй раз, потом третий. Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу «Ка-

КАТЮША

Слова М.Исаковского

Музыка М.Блантера

Подвижно

1. Рас-це-та-ли яб-ло-ни и гру-ши, по-плы-ли ту-ма-ны над ре-кой. Вы-хо-ди-ла на бе-рег Ка-тю-ша, на вы-со-кий бе-рег на кру-той. Вы-хо-ди-ла на бе-рег Ка-тю-ша, на вы-со-кий бе-рег на кру-той.

2. Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.
3. Ой ты, лесня, песенка двичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.
4. Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.
5. Расцветали яблони и груши,
Полыхали туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

тюшу»?! Не бывать этому! Надо отобрать у них «Катюшу»! В общем, дело кончилось тем, что группа наших солдат совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая, молниеносная схватка. В результате — немцы еще и опомниться не успели, как «Катюша» — пластинка с патефоном — была доставлена к своим».

Самого Исаковского на фронт не пустили. Рвался в военкоры, но врачи отказали: он страдал болезнью глаз, терял зрение, стал бы на передовой обузой для товарищей. Поэт разделил участь миллионов эвакуированных, оказался в тылу. В Чистополе его поселили в бревенчатой избе вместе с Борисом Пастернаком. «Оба были почти насильно увезены от опасности, считали, что с ними поступили несправедливо, тяжело переживали свою физическую немощь и удаленность от событий войны. И это их сближало», — вспоминал ненадолго заезжавший в Чистополь Евгений Долматовский. Михаил Васильевич дотошно отслеживал фронтовые сводки, мог рассказать о боевом пути каждой армии. Ведь где-то там сражался брат, погибали и побеждали его преданные читатели.

Он продолжал творить и публиковаться, создавал сборники стихов. В большинстве песен той поры поется о любви и верности, ведь это неизбывная лирика вечной России, которая все перетерпела и превозмогла. И если поэт сказал: «Уходили в поход партизаны,

ФОТО: ГРИГОРИЙ КАЛАЧЬЯН. Т.Ф./ЛАСС

В музее Михаила Исаковского в селе Восток Угранского района Смоленской области. 2000

уходили в поход на врага», — значит, вернуться с победой, а враг будет разбит.

Кому нести печаль свою?

Сразу после войны появилось самое горькое и, быть может, самое сильное стихотворение Исаковского «Враги сожгли родную хату». В 1946 году его опубликовали в журнале «Знамя». Затем родилась и песня. Блантер отнесся к произведению Михаила Васильевича предельно тактично, умело подчеркнул расставленные им акценты. Получился пронзительный монолог о судьбе вернувшегося с фронта бойца. «Слеза несбывшихся надежд» непрощено выступает даже в победные дни, когда герои оказываются на пепелище и их безжалостно давит трагедия страшных потерь.

И песня, и стихи официально считались несвоевременными, чересчур безотрадной выглядела доля героя-солдата: ни дома, ни близкого человека — все отняла война. От всего по-настоящему дорогого в жизни остался лишь «травой заросший бугорок». Но разве мало было подобных судеб? По радио песня прозвучала только единожды, потом ее исполняли вполголоса — не с эстрады, где придется: в чайных, в поездах, на поминальных застольях, под гармонь, а то и под трофейный аккордеон. Пели инвалиды и физически здоровые, фронтовики и тыловики. «Многие были почему-то убеждены, что Победа исключает трагические песни, будто война не принесла народу ужасного горя. Это был какой-то психоз, наваждение. В общем-то неплохие люди, они, не сговариваясь, шаркнулись от песни. Был один даже — прослушал, заплакал, вытер слезы и сказал: «Нет, мы не можем». Что же не можем? Не плакать? Оказывается, пропустить песню на радио «не можем», — вспоминал впоследствии Михаил Исаковский. Она пробилась в эфир лишь спустя пол-

тора десятка лет — в исполнении Марка Бернеса. Вскоре ее записал и краснознаменный ансамбль. Возможно, так и должно было случиться — для первых послевоенных лет мотив и пафос песни оказались слишком горестными, требовалось время, чтобы рубцы страшных ран затянулись...

После Победы Исаковский написал еще одно стихотворение, ставшее всенародно известным, — «Слово к товарищу Сталину»:

*Спасибо Вам,
что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять
в борьбе.
Мы так Вам верили,
товарищ Сталин,
Как, может быть,
не верили себе.*

«Вождя народов» в ту пору прославляли на все лады — и поэты, и художники, и кинематографисты, и драматурги. Часто оды и полотна воспринимались как «обязательная программа», как профессиональное задание на актуальную тему. Исаковский же написал бесхитростное, вполне искреннее при-

знание, к которому после войны могли присоединиться миллионы соотечественников. Прошли годы, и те стихи нередко цитировали, вспоминая о своей безоглядной вере, даже вконец разочаровавшиеся в вожде люди. Культ разоблачили, а воспевшие его строчки остались — настолько правдиво они передают массовые чувствонастроения 1945 года, что оказаться забытыми им было не суждено.

К концу жизни он являлся депутатом Верховного совета РСФСР, Героем Социалистического Труда, признанным мэтром советской поэзии, его произведения входили в школьную программу с первых классов. Издавали с размахом, песни на его стихи знал каждый гражданин СССР. Некоторые ценители изящной словесности относились к нему эдак снисходительно — как к выходцу из низов, который пишет простейшие вирши для непритязательной аудитории.

«Эстетам-знатокам» не дано было понять, как же все-таки трудно достичь этой «исаковской» гармонии!

Дружеский шарж
Б. Ефимова. 1959

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Родной огонек

Есть песни, место которым уготовано не только в учебных пособиях по теории эстрадного искусства, но и в народной судьбе, в нашей общей исторической памяти. Достаточно услышать знакомую протяжную фразу: «На позиции девушка провожала бойца», и мы, знающие о войне лишь по книгам, фильмам да черно-белым фотоснимкам, мысленно переносимся в 1941 год, где, будто сквозь магический кристалл, видим ту самую «фронтовую семью», бойцов, защищавших Родину.

Стихотворение появилось в «Правде» в апреле 1943 года, вскоре после громко прозвучавшей на весь мир Сталинградской победы. Да, в годы Великой Отечественной в главной газете страны публиковались красивые лирические стихи. Весна 1943-го стала для народа временем надежд, прежде всего на скорое и успешное завершение войны. Исаковский написал именно об этом, самом сокровенном:

*И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмаца.
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую родину,
За родной огонек.*

Напевные строки касались каждого, и, само собой, они накрепко запоминались. Их передавали друг другу вполголоса, шептали, прово-

жая на фронт любимых, бесконечно дорогих людей. Не в первый и не в последний раз Исаковский нашел образ, который оказался близким для миллионов соотечественников. В нем — нерв военного времени, ведь бойцы сражались и гибли не только «за Родину, за Сталина», но и за огонек в родном окне.

Александр Твардовский говорил, что в этих стихах ощущается дух Первой мировой, когда в ходу было это выражение «выехать на позиции». В Великую Отечественную чаще говорили «на фронт».

Свет в окне в те времена воспринимался как чудо. Поэт и военкор Евгений Долматовский вспоминал: «Сейчас трудно себе представить, какое ошеломляющее впечатление произвела эта картина: уходит боец на позиции и, удаляясь, долго видит огонек в окне любимой. А люди знали: половина страны погружается

ночью в непроглядную темноту, даже машины не зажигают фар, и поезда движутся черные. Вражеские самолеты не найдут цели! Поэтический образ огонька на окошке превратился в огромный и вдохновляющий символ: не погас наш огонек, никогда не погаснет! Песня еще одной неразрывной связью скрепила фронт и тыл».

В ту пору по вечерам даже свечку затеплить подчас побаивались. Тем дороже были воспоминания о «родном огоньке». Поэт сумел написать об этом бесхитростно и душевно:

*И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек...*

От нежной грусти этих строк щемило сердце, но это была светлая печаль: люди верили, что девушка дождетя, парень не погибнет, сияние их любви «не погаснет до времени».

Всем было ясно, что опубликованные в «Правде» стихи — почти готовая песня, в них растворена завораживающая, берущая за душу лирика. Десятки знаменитых и безвестных, маститых и совсем еще молодых музыкантов заинтересовались поющими строками. Постоянный соавтор Исаковского («Катюша», «Под звездами балканскими...») Матвей Блантер поэтическое слово чувствовал тонко, однако его вариант «Огонька» трудно отнести к удачам. Мелодия вышла слишком ажурная, витиеватая. Подобные рулады отвлекают от стихов, в какой-то мере даже их обесценивают. Неудивительно, что блантеровская песня не прижилась, хотя ее пели наши лучшие исполнители. Похожая история, кстати, случилась со знаменитым стихотворением «Жди меня»: музыкальных интерпретаций было немало, но ни одна из них не

стала «канонической», не достигла поэтического уровня Константина Симонова...

Исаковского выручили читатели, нашедшие удивительно точный мотив — ласковый и тревожный, по-русски раздольный. Михаил Васильевич всегда был народным поэтом, и справедливо, что именно народ стал его полноправным соавтором.

Первыми «настоящий» «Огонек» запели летчики эскадрильи. Так, наверное, и должно было случиться: одна из самых нежных фронтовых мелодий родилась под рев авиамоторов. Песню подхватили во всех армиях (людская молва оказалась мощнее радиостанций). В 1944-м она зазвучала повсюду — от Дальнего Востока до Польши. Красная Армия теснила врага на Запад, к границам СССР, и «Огонек» стал, по сути, всеобщим гимном освобождения.

Пели на фронте и в тылу, в окопах и госпиталях, чаще — под гармонь или аккордеон. Такая песня была крайне необходима в то жестокое время, она утешала, уносила в мечтах прочь из окопов и землянок.

Повсюду стала слышаться мелодия, которая нам хорошо известна. Для этого не требовались ни ноты, ни радиоэфир. К огранке композиции приложили руку воевавшие профессиональные и самодеятельные музыканты, например дирижер Игорь Лаврентьев и кронштадтский моряк Валентин Никитенко.

Сохранилось множество воспоминаний фронтовиков о том, как они впервые услышали песню и какое впечатление она на них произвела. Покуда звучала — бойцы не думали о горестях и тяготах, которых не счесть на передовой, на три минуты забывали обо всем, кроме родного огонька и той единственной, которая «парно весточку шлет».

Как это нередко бывало с любимыми шлягерами, появились новые варианты текста — на все случаи жизни: про танкистов и летчиков, даже про неверную суженую, которая предпочла тылового деятеля бойцу-инвалиду. В поездах «Огонек» пели увечные, просившие милостыню бедолаги — наряду с «Помнишь, мама моя» Никиты Богословского и «Земляной» Алексея Суркова — Константина Листова.

После войны замечательный эстрадный тенор Владимир Нечаев записал на пластинку окончательный, ставший эталонным вариант. Музыкальную обработку пришедшей с фронта мелодии выполнил Виктор Кну-

шевицкий. А на диске значилось: стихи — Исаковского, музыка — народная. Так с тех пор ее и объявляют на концертах.

Союз композиторов как-то раз собрал специальную комиссию, которая изучила претензии нескольких авторов, но принадлежность мелодии не установил. Музыковеды пришли к выводу: мотив напоминает польское танго «Стелла», а тот, кто его написал, также неизвестен. И здесь комиссия явно недоработала: авторов у «Стеллы» было несколько, в том числе весьма известный Ежи Петербургский (сочинивший мелодии «Утомленного солнца» и «Синего платочка»). Он несколько лет жил в Советском Союзе, не раз выступал в нашей стране и даже сражался с гитлеровцами. Вот только назвал свою песню иначе — «Польское танго». Однако и эта композиция не вполне идентична классическому «Огоньку», наши безымянные армейские музыканты добавили несколько новых мелодических поворотов.

Песня прославилась на весь мир. Подобные ей в годы войны, если действительно трогали за живое, быстро перелетали из одной страны в другую. Особенно популярным стал «Огонек» в Китае и Корее, где его часто исполняют по сей день. Полюбился он и тогдашним противникам Красной армии — японцам.

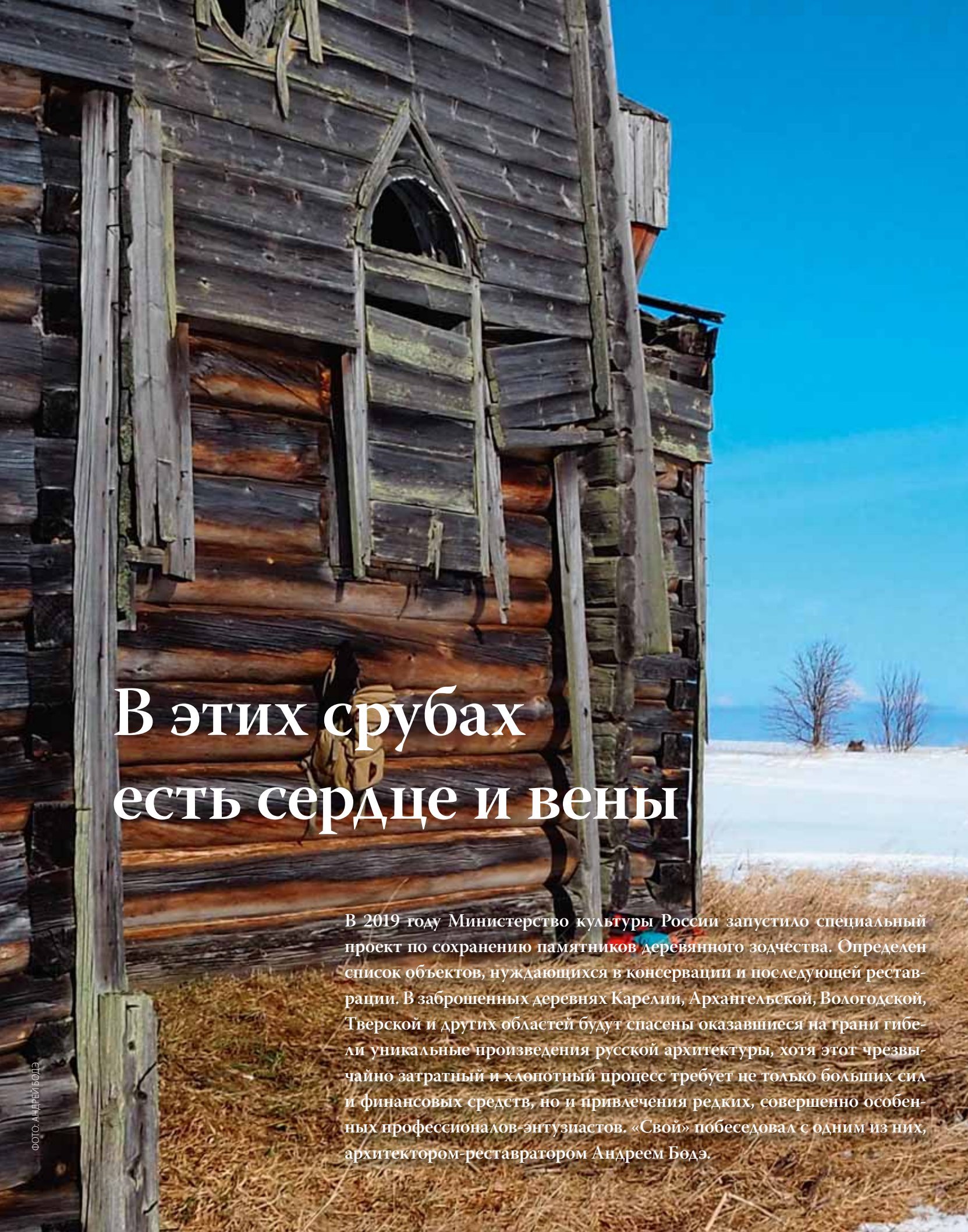
Песня осталась народной, и это высшее признание для ее авторов. «Огонек» стал родным не только для фронтового поколения. Эта мелодия не умолкнет еще много-много лет.

«Огонёк»
1947 г.

Музыка: народная Слова: М. Исаковский

На позиции девушка Провокала бойца, Тёмной ночью простилась На ступеньках крыльца. И пока за туманами Видеть мог паренёк, На окошке на девичьем Всё горел огонёк. Парня встретила дружная Фронтная семья, Всёду были товарищи, Всёду были друзья, Но знакомую улыбку Позабить он не мог: «Где ж ты, девушка милая, Где ж ты, мой огонёк?»	И подруга дальняя Парню весточку шлёт, Что любовь ей давеча Никогда не умрёт. Всё, что было загадано, Всё исполнится в срок, Не погаснет без времени Золотой огонёк. И становится радостно На душе у бойца От такого хорошего, От её улыбки. И врага ненавистного Крепче бьёт паренёк За советскую Родину, За родной огонёк.
--	---

В этих срубах есть сердце и вены

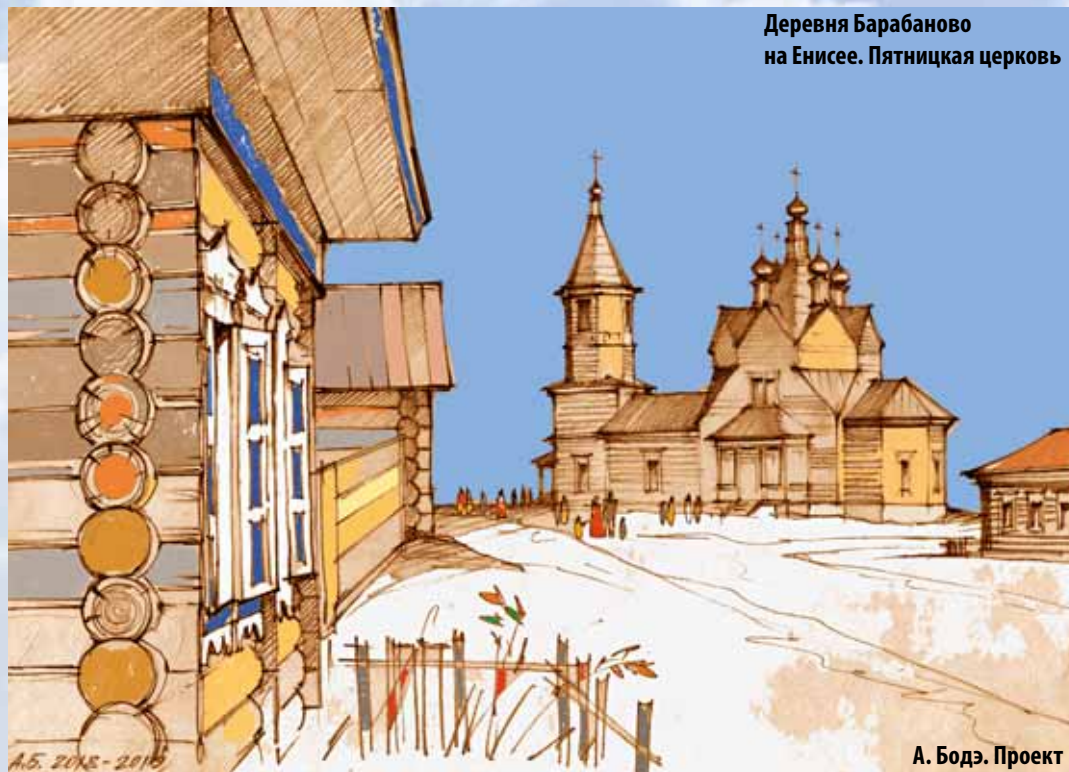
В 2019 году Министерство культуры России запустило специальный проект по сохранению памятников деревянного зодчества. Определен список объектов, нуждающихся в консервации и последующей реставрации. В заброшенных деревнях Карелии, Архангельской, Вологодской, Тверской и других областей будут спасены оказавшиеся на грани гибели уникальные произведения русской архитектуры, хотя этот чрезвычайно затратный и хлопотный процесс требует не только больших сил и финансовых средств, но и привлечения редких, совершенно особенных профессионалов-энтузиастов. «Свой» побеседовал с одним из них, архитектором-реставратором Андреем Бодэ.

Ольга Марьяновская

СВОЙ: Спасением старинных, построенных из дерева зданий Вы занимаетесь уже много лет. Почему избрали для себя именно этот род деятельности?

Бодэ: Потому что деревянное зодчество наряду с эпосом, иконописью, народной музыкой — основа основ русской культуры, не имеющая аналогов в мире, обладающая огромной непреходящей ценностью. На Русском Севере сохранились сотни деревянных храмов, старинных часовен, изб, амбаров. Специалистов и общественность прежде всего интересуют церкви, поскольку по своим архитектурным достоинствам они самые выразительные. Среди них есть бревенчатые сооружения высотой 30–40 м, поражающие красотой и величием, и душа за них, конечно же, болит. Изучаем и простые народные постройки, которые по-своему красивы, а главное, дают представление о том, как жили наши предки. В рамках деятельности различных организаций, в том числе возглавляемого Владимиром Аристарховым РНИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, ведется работа по сохранению общенационального достояния. Одно из направлений деятельности — исследование объектов, которым грозит гибель, оценка возможностей для их восстановления. Мы делаем обмеры, рисунки, макеты, составляем описания. Результаты публикуются в книгах, статьях, экспонируются на выставках. Вместе с опытными специалистами трудятся студенты профильных вузов, неравнодушная молодежь.

Второе направление — противоаварийные работы и реставрация. Здесь практикуются разные формы взаимодействия. Во-первых, спасением памятников занимаются жители, обеспокоенные разрушением изумительных храмов, старающиеся привести их в порядок. Что-то собственноручно ремонтируют, вешают иконы, приглашают священников, приходят помолиться. Во-вторых, широко распространились общественные движения по сохранению старинных церквей в провинции: проект «Общее дело», фонд «Вереница» и много дру-

Деревня Барабаново
на Енисее. Пятницкая церковь

А.Б. 2018-2019

А. Бодэ. Проект

ФОТО: ВЛАДИМИР ГЕРДОУГАС

гих, как правило, небольших объединений, куда входят небезразличные к собственной культуре, хорошо организованные, понимающие важность подобного труда люди. Подготовленными, сплоченными группами они едут в северные области страны. Иногда с этим обширнейшим, удивительным краем у них связано нечто личное, а порой они просто путешествуют. Многие приезжают в одни и те же места по несколько лет подряд.

Зачастую объект, на котором заняты энтузиасты, не имеет статуса исторического памятника, в таком случае волонтеры действуют относительно свободно, но при этом испытывают чувство ответственности, поскольку знают, что старинное здание имеет высокую художественную и историческую ценность. Разбирают завалы, выносят мусор, вырубают проросшие внутри храмов деревья, стирают оставленные кем-то надписи. Затем проводят противоаварийные и консервационные работы: укрепляют стены, подпирают крышу, а если ее уже нет, строят защищающий навес, приводят здание в более или менее ухоженный вид. Мы — архитекторы, инженеры-конструкторы, искусствоведы — также участвуем в подобных работах, по мере сил помогаем добротам, ведем образовательную-просветительскую деятельность. Коллектив руководимой мною АНО «Традиция» с общественностью

сотрудничает весьма активно. Читаем для волонтеров лекции, проводим практические занятия. Выполняем и частные заказы, к примеру, недавно разработали для прихода церкви Параскевы Пятницы, что в деревне Барабаново на Енисее, проект реставрации. Этот храм для жителей Красноярского края, встретивших, кстати говоря, нас чрезвычайно гостеприимно, имеет очень большое значение. Надеемся, что его удастся надежно сохранить.

СВОЙ: Итоги трудов радуют?

Бодэ: Когда группа москвичей или питерцев приезжает в глубинку ремонтировать заброшенную церковь, их встречают порой с недоумением, а то и недоброжелательно: зачем, дескать, пожаловали, что здесь делаете? Однако увидев, что здание привели в порядок, очистили, старожилы начинают действительно помогать, нести стройматериалы, с охотой присоединяются к добровольцам. А потом ждут, когда те приедут снова. Храм оживает, вокруг него сплываются люди, и в результате не только сохраняется памятник архитектуры — возрождаются духовная жизнь и сама деревня. Руководитель движения «Общее дело», настоятель московского храма преподобного Серафима Саровского в Раеве протоиерей Алексей Яковлев очень грамотно организует процесс, умеет привлечь всеобщее внимание к тому или иному проекту, на деле показывает

Часовня в Ермолинской до реставрации

Реставрация

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

успешность трудов единомышленников. Не случайно его организация нашла поддержку у святейшего патриарха Кирилла.

На следующем этапе, во время реставрации объекта, уже не обойтись без специалистов, составляется проектная документация, поступают от благотворителей и из народных пожертвований средства. Работы по приведению деревянных зданий в порядок зачастую получаются у таких общественных организаций даже лучше, чем те, что осуществляются по государственным контрактам: все тщательно контролируется, заранее заготавливаются качественные материалы, привлекаются только сильные профессионалы, которые трудятся не спеша, «с чувством, с толком, с расстановкой», по старинным технологиям.

Скажем, восстановление Георгиевской часовни 1732 года постройки в деревне Ермолинской (Архангельская область) проводилось более трех лет — с 2015-го по 2018-й, осуществлялось по проекту и под руководством архитектора-реставратора, сотрудника НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Ольги Зининой. Эта работа в 2018-м получила премию «Архивуд». С точки зрения методики она может служить образцом.

Выполненное под моим руководством добровольцами из «Общего дела» выпрямление колокольни XVIII–XIX веков в деревне Нименьга (Онежский р-н) — дело в реставрационной практике довольно необычное: из-за просадки фундамента колокольня накренилась, специалисты считали, что ее неизбежно придется разбирать, однако удалось восстановить без разборки.

Главный архитектор АНО «Традиция» Илья Воеводин несколько лет руководит успешным воссозданием Георгиевской церкви конца XVIII века в деревне Гридинской (Вельский р-н). Занимается также восстановлением Георгиевской часовни начала XVIII столетия в

Хаврогоры.
Реставрация
под руководством
И. Воеводина

Хаврогорах (Холмогорский р-н), где сложная реставрация сруба ведется без демонтажа.

СВОЙ: Возрожденные церкви и часовни защищены от возможного пожара?

Бодэ: Да, если потенциальная причина возгорания — гроза. На приведенных в порядок объектах стараемся сразу же сделать молниезащиту.

СВОЙ: В чем заключается участие властей в реставрации памятников деревянного зодчества?

Бодэ: То, что общественная активность в нашем деле приобрела столь серьезный размах, — симптом в общем-то тревожный, ведь именно власти всех уровней должны этим заниматься. Государственная система

Нименьга. Выправление колокольни
первой половины XVIII–XIX вв.

охраны памятников давно и сильно забюрократизирована, слишком инертна. Да и в случае выделения бюджетных средств результаты бывают разными. По госконтракту мне довелось быть главным архитектором реставрационных работ в Сретенской церкви в деревне Рикасово Приморского района Архангельской области. Дело двигалось медленно, с большими организационными сложностями, остановками в работе. Пришлось полностью перебирать сруб, хотя мы старались по возможности сохранить старый материал. В целом все было выполнено на хорошем уровне, однако многое делали наспех.

Сегодня внимание государства к деревянному зодчеству повысилось. 15 ноября 2019 года в Петербурге состоялся круглый стол, где прозвучало немало острых, что называется, животрепещущих вопросов. Думаю, это положительно повлияет на ситуацию. Мы ожидаем от власти именно того, что не под силу общественности — одновременного проведения противоаварийных работ сразу на десятках объектов. Это сейчас крайне важно, ибо пока осуществляется многолетняя реставрация одного особо ценного здания, другие разрушаются и безвозвратно утрачиваются.

СВОЙ: *Практикуется ли перенос памятников на территории музеев, как это делал выдающийся реставратор Петр Барановский?*

Бодэ: Такой перенос усложнился из-за проблем, созданных законодателями. Даже государственные организации не делают этого по причине трудоемкости процесса. Музеи деревянного зодчества заняты сохранением того, что у них уже есть, ведь памятники переносились пятьдесят лет назад и ранее, и они снова нуждаются в реставрации. За последние годы были лишь единичные случаи «миграции» крестьянских построек — на территории музея-заповедника «Кижи», а также Архитектурно-этнографического музея-заповедника Вологодской области.

СВОЙ: *Вы довольно часто занимаетесь спасением церквей и часовен в местах заброшенных, где уже не живут люди...*

Бодэ: Верно, проводим обследование, противоаварийные и реставрационные работы на объектах, которые находятся в безлюдной местности, можно сказать, в чистом поле. Но это не значит, что они не нужны и никому не интересны. Сретенско-Михайловская церковь в бывшем селе Красная Ляга Каргопольского района — один из наиболее выдающихся памятников деревянного зодчества — обладает огромной притягательной силой. Населенного пункта уже нет, но храм сохранился, и его посещают туристы почти каждый день. Грустно и символично, что там все исчезло: сельское хозяйство, промышленность, жители. Но церковь осталась — как единственный след пребывания человека на этой земле. Подобные храмы — великие символы Русского Севера. С ними порой происходят чудеса.

В опустевшей, но не ликвидированной деревне Чуяла на территории Водлозерского национального парка в Карелии есть часовня Николая Чудотворца второй половины XVIII века. Мы обследовали все тамошние часовни, но эта все-таки обрушилась. Но нашелся состоятельный человек, который помог средствами, и мы ее отремонтировали. А недавно поблизости появились жители, построили первый дом и собираются возводить второй. Факт восстановления часовни, очевидно, повлиял на тех, кто пожелал вернуться. Примерно то же самое — в Ермолинской: даже электричества нет, а несколько жителей остались. Речь пока рано вести о возрождении Русского Севера, но точно, понемногу он, похоже, оживает.

Конечно, основной целью работ по воссозданию храмов является то, для чего они предназначены, — богослужение. Удается и этого достигнуть, самые показательные примеры — восстанавливаемые отцом Алексеем церкви в Ворзгородах, в Подпорожье, храмы на Онеге. Молятся в возрожденных часовнях на Сюме, Водлозере и многих других местах.

СВОЙ: *Где подбираете кадры для научной и практической деятельности?*

Бодэ: Я преподаю в Московском государственном строительном университете. Среди студентов, выпускников есть ребята, которым интересно заниматься русским деревянным зодчеством, реставрацией. Профессионально они растут в деле, учатся у старших коллег. Это, можно сказать, цеховой средневековый метод обучения.

СВОЙ: *Вы — автор живописных и графических работ, художественных реконструкций, изображающих природу и архитектуру Севера...*

Бодэ: С этого когда-то начался мой интерес к русскому деревянному зодчеству, приведший меня в реставрацию. Сейчас, к сожалению, нет времени полноценно заниматься рисованием. Делаю лишь малоформатные рисунки, используемые в качестве иллюстраций для книг и статей.

А. Бодэ. Проект

Нименьга. Онежское Поморье

Стоп-кадр

ВИЦНЁВЫЙ САД

151-1

К 67

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛЛИНСКИЙ/ТАСС

В человеке все должно быть по Чехову

Николай Ирин

Нарочитая бесстрастность описания, характеризующая стиль зрелого Чехова, неизменно привлекала к его произведениям выдающихся мастеров кино. Действительно, экранное искусство в первом приближении есть не что иное, как неподвинутое наблюдение через глазок неподкупного механического аппарата. Веселые истории от Антоши Чехонте манили кинематографистов столь же магически, ведь кино по своей природе — балаган, парад аттракционов, гротескных или более-менее здравомысленных. Наконец, знаменитые театральные пьесы Антона Павловича, где повседневность и быт едва ли не главные действующие лица, сам Бог велел переносить на пленку, потому что, как уверял исследователь масскульта Зигфрид Кракауэр, кинематограф тяготеет к «реабилитации физической реальности»...

АОШЛО до того, что жизнь и личность писателя стали излюбленными темами для киношников, причем на этом пути им удалось добиться неожиданных результатов. К примеру, «Сюжет для небольшого рассказа» (1969) Сергея Юткевича по сценарию Леонида Малюгина, «Камень» (1992) Александра Сокурова и сценариста Юрия Арабова являют собой смелые эксперименты с художественной формой, расширяющие наши представления о внешне рациональном, но внутренне бесконечно сложном Антоне Павловиче. Недавно ушедший из жизни Марлен Хуциев успел в общих чертах довести до ума свою экранную версию взаимоотношений и встреч Чехова со Львом Толстым. В обозримом будущем, вероятно, познакомимся и с этим вариантом жизнеописания от маститого отечественного постановщика.

Нет сомнений в том, что новые, революционные в смысле подачи психотипа и образа жизни летописи,

вроде «Жизни Антона Чехова» от британского литературоведа Дональда Рейфилда, спровоцируют самые головокружительные кинопостановки, где образ донельзя правильного, абсолютно невозмутимого человека в пенсне будет радикально переосмыслен.

В Советском Союзе Антону Павловичу приходилось посмертно и единолично председательствовать в Клубе Записных Интеллигентов. Даже не шибко образованный бригадир Петрыкин из «Большой перемены» знал чеховскую максиму «В человеке должно быть все прекрасно» и словно дубиной гвоздил ею еще менее подкованных, склонных к чувственным удовольствиям пролетариев. Наши чеховские экранзации в массе представляли собой развернутые и предсказуемые нравоучения, где писатель выступал

строгим контролером жизни — вместо тайной полиции, цензора и даже инквизитора.

Зритель это чувствовал, чаще скучал, иногда возмущался. Ведь никто не любит, когда его эмоционально терроризируют. В одном из сетевых комментариев к комедии Михаила Швейцера «Карусель» (1971), сделанной на основе записных книжек и ранних рассказов, читаем: «Чехов осмеивал общество, в котором жил, не зная ни в чем нужды. Не нюхал революции потому что», — ничего себе повороты мысли!

Ранее тот же Швейцер с шиком и блеском экранизировал прозу Катаева, Ильфа с Петровым. В исходных советских романах оценки были расставлены (а затем поддержаны советскими идеологами) вполне определенные, поэтому режиссер, не отвлекаясь на конструирование общей картины мира, уверенно сопровождал персонажей в их трудовых буднях, странствиях и проделках. Однако с Чеховым этот номер не прошел: и в «Карусели», и в тематически

продолжающих ее «Смешных людях» (1978) режиссер исходил из того, что базовая интенция Антоши Чехонте — брезгливая усталость от того социального порядка, который ему приходилось претерпевать. Хотя писатель в своих коротких рассказах был движим творческой необходимостью, а не брезгливостью. Сжатая форма и соответствующие ей жанровые законы художественно деформируют социально-психологическое окружение, а волюнтаристский перенос литературного гротеска на экран порождает кривлянье, пресловутое «осмеивание», к которому трезвый, уравновешенный Антон Павлович никакого отношения не имел.

Другая крайность — избыточная поэтизация чеховской вселенной. Знаменитая «Дама с собачкой»

(1960) Иосифа Хейфица с Ией Саввиной и Алексеем Баталовым в главных ролях, равно полюбившаяся и зарубежным критикам, и отечественным зрителям, считается образцовой. Спорить бессмысленно, тем более с учетом того, что картина сделана в период расцвета творческих сил постановщика, однако не лишне учесть мнение проницательного Баталова, который однажды на встрече со зрителями, автоматически подверставшими роль Дмитрия Гурова к другим симпатичным образам актера, корректно возразил: какой же, право, Гуров положительный? Изменник, обманщик, соблазнитель сыгран, да, с изяществом, на экране обворожительно-обаятелен, и в то же время получается, что суть персонажа в этой интерпретации зрителями не считывается, она замаскирована «поэзией», а чеховская трезвая позиция во внимание не берется. Антон Павлович, повторимся, не моралист-обвинитель, не инквизитор, но и не воспеватель адюльтеров, не мальчишка, который обменивает чистую душу на химеру романтических грез.

Неплохо удавались экранизации тех рассказов и повестей, где Чехов мыслит бинарными оппозициями, четко противопоставлял двух персонажей, обеспечивая тем самым несущий каркас, избавляя постановщика от опасности запутаться в извлечении фирменных обертонов, в различении полутонов. Любителям отечественного кино запомнились «Плохой хороший человек» (1973) того же Хейфица, где антагонистов представляют Владимир Высоцкий и Олег Даль, «Поцелуй» (1983) Романа Балаяна с Олегом Янковским и Александром Абдуловым, «Володя большой, Володя маленький» (1985) Вячеслава Криштофовича, где в искусстве воплощения соревнуются Ростислав Янковский и Олег Меньшиков.

Тот же каркас держит примечательную экранизацию повести «Рассказ неизвестного человека» (1981), осуществленную Витаутасом Жалакявичюсом: соvestливый революционер Степан с лицом Александра Кайдановского отчетливо противопоставлен циничному чиновнику Жоржу Орлову (Георгий Тараторкин). Сначала их противостояние носит исключительно

политический характер, но после того, как Жорж ломает об колено судьбу своей любовницы Зинаиды Федоровны (Евгения Симонова) и вдобавок отказывается усыновить внебрачного ребенка, конфликт переходит в плоскость нравственную. Неожиданная смена координат — когда предъявляются претензии и осуществляется межличностная борьба — проделана неброско, но убедительно. Картина Жалакявичюса помогает понять в художественном методе Чехова нечто важное.

Благодаря переносу на экран типологически сходных вещей даже не отягощенный литературным багажом обыватель может проследить, как шлифовал автор ту или иную повествовательную стратегию, как варьировал от текста к тексту темы и мотивы, пробивался к заветному смыслу, который до поры лишь маячил, но вдруг, при легком сюжетном сдвиге, в полной мере отразился. А тот, кто посвятит время сравнению картин, снятых по одному и тому же произведению, узнает много нового о разнообразии выразительных средств самого кинематографа.

У нас до сих пор популярна лента Эмиля Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь» (1978) по повести «Драма на охоте». Можно посоветовать как ее поклонникам, так и противникам голливудскую экранизацию произведения — «Летнюю бурю» (1944) Дугласа Сирка. Последний у нас малоизвестен, хотя в Америке он фигура теперь уже первого ряда. Разве не любопытно посмотреть, как интерпретировал до боли знакомую нам вещь человек, сначала изучавший в Гамбургском университете философию и историю искусства под руководством самого Эрвина Панофски, потом превратившийся в третьеразрядного постановщика мелодрам и, наконец, вознесенный на вершину олимпа высококолобными критиками французского журнала «Кайе дю синема», парадоксально перетолковавшими его творчество в статьях 1950–1960 годов? «Между высоким искусством и китчем, — излагал Сирк собственное кредо, — расстояние очень небольшое, и китч с налетом сумасбродства ближе всего к искусству».

Тем, кто влюблен в «Неоконченную пьесу для механического пианино» (1977) Никиты Михалкова, было бы интересно посмотреть созданную на основе того же литературного материала картину Патриса Шеро «Отель «Франция»» (1987). Постановщик переносит действие в современный ему поселок близ Анже, где прошло его детство. Француз делает фильм в автобиографическом ключе: подключаясь к нашим психологическим раскладам, приглядываясь к чеховским семейным расстановкам, яростно их перетолковывает, присваивает, оживляет, приспособливает к дорогим его памяти пейзажам и интерьерам. Шеро не скрывал своего восхищения советской экранизацией, более того, в процессе съемок регулярно ее пересматривал, но в основном для того, чтобы не повторять чужих находок, выразить личное отношение к травмировавшему, задевшему на уровне «бессознательного» первоисточнику.

Вообще говоря, любовь европейцев и американцев к Чехову дала отнюдь не плохие плоды в кинематографе. Незаурядны «Скучная история» (1983) польского режиссера Войцеха Хаса и «Ваня на 42-й улице» (1994) Луи Маля из Франции.

Хас интересовался темой смерти, которая в чеховской «Скучной истории» раскрыта пронзительно и глубоко. Выдающийся актер Густав Холубек играет умирающего, во всем разуверившегося («Не для чего жить!») профессора Николая Степановича с удивительным мастерством. Финальный монолог героя в исполнении этого артиста приближает нас к чеховскому миропониманию: «Когда в человеке нет того, что выше и сильнее всех внешних влияний, то достаточно насморка, чтобы потерять равновесие!» Из дальнейших слов становится ясно, почему творцы экзистенциальной драмы и драматургии абсурда почитали Чехова за своего учителя: «Я побежден. Буду сидеть и молча ждать, что будет. Отсутствие того, что называют «общей идеей», я заметил в себе только перед смертью».

Луи Маль выпустил свою последнюю картину в Нью-Йорке, незадолго до смерти. Это совсем уже экспериментальная, но оттого не менее захватыва-

СТОП-КАДР

«Человек в футляре»

вающая работа: труппа, ютящаяся в аварийном здании на 42-й улице, показывает двум-трем знакомым прогон «Дяди Вани»; никаких костюмов и декораций, динамики и спецэффектов — только обнаженные души наших современников в обстановке коммунальной разрухи и финансовой неустроенности. В фонограмме периодически возникают тревожные голоса улицы, в том числе звук сирены. Замечательные, хотя и коммерчески не вполне успешные актеры стараются прорваться к смыслу загадочного драматурга, а в перерыве спешат перекусить и обменяться впечатлениями от быта в гигантском городе. Выделяются молодая Джулианна Мур в роли Елены, Ларри Пайн в образе доктора Астрова и Уоллес Шоун, сыгравший дядю Ваню.

Чехов, особенно в качестве грессмейстера малой формы, — самый подходящий автор для кинематографического дебюта. Исидор Анненский («Медведь», 1938), Анджей Вайда («Злой мальчик», 1951), Лев Кулиджанов и Генрих Оганисян («Дамы», 1954), Василий Ордынский и Яков Сегель («Переполох», 1955), Самсон Самсонов («Попрыгунья», 1955), Григорий Никулин («Невеста», 1957), Станислав Говорухин («Аптекарьша», 1964), Сергей Соловьев («Семейное

«Очи черные»

«Семейное счастье»

счастье», 1970) — лишь самые известные случаи такого рода.

Но есть и режиссеры, для которых Антон Павлович стал базовым автором. Здесь первенство однозначно принадлежит Анненскому, удачно поставившему «Человека в футляре» (1939) с Николаем Хмелевым в роли Беликова, «Свадьбу» (1944) с Эрастом Гариным и «Анну на шее» (1954) с Аллой Ларионовой и Александром Вертинским. «Три сестры» (1994) и «О любви» (2004) — новые увлечения Сергея Соловьева.

В картине «Очи черные» (1987) еще раз обратился к творчеству классика Никита Михалков. Чутко уловив ветер шальных перемен эпохи перестройки, постановщик остроумно переиначил сюжет «Дамы с собачкой», доверив Марчелло Мастроянни функцию недалекого, романтично-сентиментального чужеземца-соблазнителя. «Она верила во все истории, которые я ей рассказывал, — вспоминает герой свой курортный роман с олицетворяющей Россию Анной Сергеевной (Елена Сафонова). — Не знаю, все ли русские женщины таковы». В самом начале перестроечной шумихи и обмена сердечными любезностями с Западом мало кто решался на подобные грустные выводы с общими выводами. Предводитель уездного дворянства (Юрий Богатырев),

«Неоконченная пьеса для механического пианино»

встречая Романо Патрое, пускает слезу: «Ура прогрессу! Ура детищу цивилизованного мира!», а цыгане, по своему обыкновению, громко вторят: «К нам приехал наш любимый итальянец до-орогой!»... Как и в «Неоконченной пьесе», Чехов помог подобрать ключи к тайникам душ представителей самых разных социальных групп, выживающих в нашем суровом климате при любых политических режимах.

Чехова экранизировали такие звезды мировой режиссуры, как Сидни Люмет и Андрей Михалков-Кончаловский, Марко Беллоккьо и Маргарете фон Тротта, Клод Миллер и Нури Бильге Джейлан. При чем последний за картину «Зимняя спячка» (2014; по рассказам «Жена» и «Хорошие люди») был удостоен «Золотой пальмовой ветви» 67-го Каннского кинофестиваля. Чехов, выходит, все так же актуален, по-прежнему вдохновляет мастеров кино на изысканные сюжетные построения, рискованные путешествия в глубь человеческой психики.

И все-таки наилучшими экранизациями остаются, пожалуй, четыре отечественные картины. Первые две сориентированы, скорее, на актерское мастерство — упоминавшаяся «Свадьба» (1944) и бенефис Игоря Ильинского «Эти разные, разные, разные лица...» (1972). В двух других — «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977) и «Чеховские мотивы» (2002) Киры Муратовой — артисты столь же великолепны, но их игру замечательно дополняют концептуальная целостность, режиссерская изобретательность, общая внятность художественного высказывания. Посмотришь (в который уже раз) любую из названных лент, и непременно тянет вновь прочесть первоисточники. И тут же в поле зрения попадают другие произведения Антона Павловича — глядишь, нескольких часов как не бывало. На Чехова личного времени определено не жалко, тем более в год его 160-летия.

Е. Леонов на съемках фильма «Смешные люди». 1977

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Трапезная

Гусь — птица праздничная

Максим Сырников

Археологи утверждают, что на раскопках наших древних городов утиные и гусиные косточки находят чаще, чем куриные. Русские люди любили гусятину. И всегда умели ее готовить. Особое рождественское угощение, украшение святочного стола — отменно приготовленный гусь.

КОГДА-ТО специально откормленных птиц в изобилии привозили на рождественские ярмарки и базары. Да и сейчас традиция сохраняется: на Святки, как в старину, подаем гуся — жареного, тушеного или запеченного.

Рецептов — сравнительно немного, но всегда можно выбрать что-то под свой вкус и предпочтения.

Сложнее всего — зажарить целиком. Именно с этим у хозяек и домашних кулинаров чаще происходят разные неприятности: то пересушится, то недостаточно прожарится.

Вот как можно приготовить главное рождественское угощение без риска потерпеть фиаско:

Гусь, жаренный с яблоками

- * Гусь — 2,5–3 кг
- * Яблоки (лучше всего антоновка) — 1 кг
- * Сметана — 200 г
- * Перец черный молотый, тмин, паприка, чеснок
- * Соль

Сначала птицу ощипываем, опаливаем над огнем, потрошим, удаляем излишки жира. Затем перемешиваем сметану, пару ложек соли, тертый чеснок, паприку, смолотый перец и тмин. Тщательно натираем гуся смесью снаружи и внутри, даем полежать несколько часов.

А затем ставим в духовку, прогреваем до 180°, — лучше не в гусятнице, а на небольшом противне, спинкой вниз. Как только начнет шипеть подтопленный жир, а кожа слегка зарумянится, понижаем температуру до 90°. И доводим до готовности. Определить ее довольно просто: из прокола зубочисткой под ножкой в толщу мяса перестает выделяться розовая жидкость, а считается прозрачный бесцветный сок.

Пока гусь жарится, готовим яблоки.

Антоновку очищаем от кожицы, делим на дольки, удаляя сердцевину, а затем слегка подсаливаем и обжариваем на вытопленном жире. Ломтики при этом не должны развалиться.

Перед подачей на стол гуся вынимаем из духовки, сливаем лишний жир в отдельную посуду. Птицу выкладываем на блюдо и только теперь заполняем тушку жареными яблоками. Можно дополнить гарнир тушеной на гусином жире квашеной капустой, моченой брусникой и клюквой.

ФОТО: PHOTOXPRESS

Своя

ЯНВАРЬ 2020

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки